

ЭПИТАЛАМА

Геннадию Снегиреву

*Я говорю вам: жизнь красна
В стране больших бутылок
Здесь этикетки для вина
Как выстрелы в затылок*

*Здесь водка льется из обойм
Похмельной пулей в небо
Готов поспорить я с тобой
Что ты здесь прежде не был*

*Здесь овцы падают в окоп
Поет снегирь в полете
Из птички выросший укроп
Молитва в миномете*

*Верблюд прошедший сквозь коня
Спросил подругу: Где мы?
Накройте саваном меня
Ведь я здесь прежде не был*

*Она ж сказала: Для войны
Ты пригодился б лучше
Не прячь не прячь от всей страны
Свое богатство лучник*

*Тебе ж увы скажу я: Нет!
Твой слишком лук натянут
Могу играть с тобой в крокет
Но жить с тобой не стану*

Алексей Хвостенко

1971

Литература – плод сознательного и бессознательного. И бессознательное даже самого свободного от всех формальных утеснений цивилизации автора позаботится о сохранении его интеллектуального наследия.

Выходит, что литература – лучший вид консервации плюсквамперфектных чувствований, восторгов, страстей, обид, суицидных состояний, то есть всего того, чем живет всякий день человеческая душа, и что невозможно сохранить даже в собственной памяти.

Поденные записи, которые мы называем стихами, даже не являясь лирическим дневником, все равно наполнены нашим дыханием и пульсацией нашей крови, да и мир текстовой и затекстовой реальности увиден через нашу радужную оболочку.

В сущности, литература и есть единственно достоверный документ, доподлинно свидетельствующий о своем создателе, об авторе.

Вот только предугадать невозможно, что и когда из всего, написанного в прошедшие годы, придется впору выходцам из времен новых. Да и придется ли. Впрочем, гадать об этом – дело пустое. Не пустое дело писать тексты, собирать тексты, издавать тексты. Ибо в них – вся полнота нашей жизни.

1 декабря 2004 года пределы земного существования покинул Алексей Хвостенко. АКТ публикует его стихи, предоставленные Анри Волохонским, последнее интервью, которое дал Алексей Хвостенко на Пушкинской, 10 Сергею Ковальскому 21 ноября 2004 года /за десять дней до ухода из жизни/ и другие материалы о нем.

Литературная жизнь в обеих столицах и за их пределами становится все менее ориентированной на традиционные толстые журналы, существующие с благословения официальных структур или официальных доноров. Своекоштные издания, публикующие живые тексты достойных авторов, появляются в Москве, Петербурге, Нью-Йорке...

АКТ знакомит своих читателей с кругом авторов нью-йоргского «МАГАЗИННИКА», московского «АРТ-ФУТУРУМа», петербургского «ЗЕНЗИВЕРА».

17. 09. 04.

я являлась, извини. ты
 являлся, извини. ты яв
 лялся потому, что я яв
 лялась полуювно, я яв
 лялась полуювно пото
 му что извини

а игру поддержат
 странно. странное живьем
 являлось между нами
 чувство бк нет
 берега почти...

6. 10. 04.

я ски нет
 я скучаю критически при чте
 нии Юнга вспоминаю чте
 ние Юнга в коридоре прохо
 дят больные в ритме
 вальса мимо мимо не вс
 помню больных потом
 ожидание заставляет забы
 вать цель ожидания зас
 тавить забыть думают
 о ночах больные забуду

забуду об их ночах лишь

14. 09. 04.

смерть всегда естест
 венное насилие, удиви
 тельно, с телом что
 останется? – одиночест
 во тела в удиви
 тельном желании ж
 ить переворачиваться
 успевать рассказывать
 открываться теряться
 навсегда в себе

12. 10. 04.

 ДК
 больная. в свитере. в исч
 адьях ал нет
 ада
 испортила прическу, принял
 ла лекарство: задался
 день задачкою путешест
 к нет вия: надежда наден нет надета на

на прошлое, и в психологии
 чужое в ванной: определи
 ть случайностью ответ: ог
 ромный страшный голубь на

карнизе слышит ли музыку?

13. 10. 04.

у меня частично ее клино
 пись, – у меня тогда была
 тетрадь и ручка, там, в
 14-ом дурдоме, и она –
 ей было около 50-ти –
 сказала, что была чьей –
 то секретаршей,
 и писала в тетради
 значками стенографическими
 алкоголь, – ее алкоголь, –
 прошло лет 10, - чуть
 меньше, – жива ли она? –
 банально...
 я узнаю в своих

буквах ее черточки...
 я не знаю,
 о чем она писала тогда

в той тетради

Море я полюбил поневоле,
 С его липкой жарой, полиэтиленом и дерьмом.
 Дело не в цвете воды и запахе соли –
 Дело в нем самом.
 Море, взвесив, отменяет тело,
 Размывает народы, входит в города.
 Остается волна – только тогда
 Можно говорить о пределах

Уезжаем. Все в порядке.
 Адресов унылый ряд
 И могильные оградки,
 Словно детские кровати,
 У обочины стоят.

Леса темного мельканье,
 Ветра влажного напор
 И холодное вниманье
 Вечереющих озер.

Приезжаем. Все в порядке.
 Надо строить стол, кровать,
 Речь записывать в тетрадки,
 Как лягушки в тесной кадке,
 Масло лапками сбивать

Овцевозки тарахтенье,
 Гор осевшие кули
 За карабканьем-паденьем
 К морю синему вдали.

Солнце гонит медных блох
 Грызть подсолнухи и маки,
 Выжигает труп собаки
 В желто-рыжий полумох,

А когда погаснет печь
 И, еще холодным вынут,
 Над мечетями застынет
 Серебристый полумеч.

Я вчера городище копал.
 Черепок под мотыгу попал,
 А на нем, оседлавшая щит,
 Фараонова птичка пищит.

Почему же хозяин всего
 Для портрета избрал своего
 Не быка, не крылатого льва,
 А пичугу тилинь-голова?

Это буква ивритская «йод»,
 Это существование пьет
 Из висящего в небе лотка,
 А напьется – взлетит, и пока.

Полетит над каленой землей,
 Над густой, бесхребетной лозой,
 Над светящейся дробью камней.
 Тени, тени, вы стали темней.

Что ж ты плачешь, дурак,
 Что ж ты плачешь,
 Все равно ни за что не заплатишь,
 Да и чем тебе, бедный, платить,
 Свистом-посвистом фью-фири-фить?
 Не наклей беды, дурачок,
 У нее и сачок, и крючок,
 И блесна, и живец, и уловка,
 Деревянная спецупаковка,
 И музыка из медной трубы –
 Трам-па-пам, ту-ру-ру, ба-ба-бы.
 Обещание помнить всегда,
 Снег вчерашний, в облаках вода,
 А пустого пространства невнятка –
 Воля вольная, только что всмятку,
 Не разруха, а неразбериха,
 Где пеан, амфибрахий, пиррихий
 Вместе с чахлым еловым подлеском
 Вместо легкости лоска и блеска,
 Вместо логики смысла, резона,
 Полигон, разработки, промзона,
 Безъязыкая тягота жизни,
 Нутряное дыханье отчизны.

декабрь 2004

две малых фигуры бабка и внучка
 потешно неспешно идут под ручку
 ватные куклы в нелепых одеждах
 хранящих тепло как хранили прежде
 две фигуры согбенных ушедшего века
 нелепо прекрасные два человека

декабрь 2004

руки опустишь
 нельзя ничего изменить
 по мирупустишь
 свою путеводную нить
 сколько веревочке виться
 пора бы и честь
 был словно не был
 да вышел покуда не весь
 нечего вспомнить
 а дней твоих не перечесть
 праздная память
 аukaiся где ты я здесь
 ором ори надрывайся
 я граждане есть
 urbi et orbi
 да голубь склюет эту весть
 кто ты такой
 чтоб в такие высоты залезть
 здесь и хвала и хула
 и посулы и лесть
 слов потроха
 голубиный помет ржа да жесьть
 мразь запустенья
 нечистого воздуха взвесь
 пьаться не пьаться
 в глазах только белая резь
 ладно не майся
 страшней не придумаешь месть
 видно так надо
 чтоб кто-то тебе мог зачесьть
 время земное
 и все записал так как есть.

декабрь 2004

Betroffenheit

Kurzatmiger Wortschwall des schwerfalligen Regens

Triefen,
 troff,
 betroffen.
 Triefen,
 troff,
 betroffen
 betroffen
 betroffen
 betroffen
 betroffen
 betroffen
 betroffen
 troffen
 troffen
 troffen
 troffen
 troffen
 offen
 offen
 offen
 offen
 off
 off
 ff
 ff
 f
 f

ЗА ЧТЕНИЕМ «РАЗВЕЯННЫХ ЧАР»

Как славно просыпаться в полдень
и знать, что нету никаких в помине дел –
так в кресле чудно посидеть
и, весело уставясь в потолок,
попредставлять возлюбленную, слыша
бамбука шелест, а на столике бумага
и тушница, и кисточка, и можно
письмо задумчивое другу написать,
исполненное мыслей мудрых,
и чувство сердца радостью назвать,
но лучше и не называть, а просто
прикрыть глаза и терпеливо слушать
любовь, не говоря себе ни слова.

Сад одиночеств на столе моем,
сад одиночества, ночной – как текст китайский,
когда устала кисть – в полуоткрытом
окне читается. Так глаз, любясь речью незнакомой,
листает живопись ее,
пытаясь суть узнать в наклоне буквиц.

ЗАПИСКИ ТО СЕ

1.
Скоро осень.
Старый сторож нюхает чай,
книжку пишет.
2.
Какой вес, лый день сегодня!
Крыша сыплется
на голову мне...
3.
О! в девятнадцать лет
я гениален был...
Теперь же мал и глуп.
4.
Во вторник произошла весна.
Брожу по потолку –
и грустно мне.
5.
Как хорошо в саду моем!
Растет бутылка
на столе.
6.
Поэт радостен,
возлюбленную сакурой придавило,
можно выпить.
7.
Мой сад завял –
три ветки елочных
в консервной банке.

Люди! Дайте поспать!!!!

Люди! Дайте поспать!!!!
Не буди мама в час ночи телефонным звонком
Мне уже 32 года и я почистил зубы перед сном
Друзья!
Не навешайте каждый вечер с водкой
Мозги по утрам всмятку и без алкоголя
Женщины!
Сколько можно требовать секса
И совать мою руку туда куда
Макар гусей не гонял?
Мои пальцы чувствуют себя как дома
Только на клавиатуре компьютера.
Президент!
Перестань объявлять войны кому не лень
Уже третьи сутки я снюсь себе в камуфляже
Просыпаюсь в холодном поту
Кажется, что могу отжаться сто раз от пола
Пробую и падаю вниз лицом на втором.
Хохочущие морды за окнами
Прекратите смеяться над моей бессоницей
Завтра куплю ружь, и вас пристрелю.

Сумасшедшей девушке

Не кричи что без меня жить не можешь
Опять лекарство вовремя не приняла
Лучше расскажи как потеряла
Девственность в психушке
Как врачи гонялись за вами
Вооруженные шприцами
Утверждая: Любовь Здесь Запрещена.

Давай-ка я спрячу на всякий случай
Ножи с ножницами

Больно спать хочется
А то ты видимо таблетки
Опять в унитаз спустила.

Кошка

Ночью по груди проползла жирная кошка
Такая толстая, что не могла ходить
Рассерженный я хотел за хвост е, и головой об стенку
И вдруг осенило – это же я!
Такой же беспомощный и жалкий
Не способный поймать мышку работы или рыбку любви
Из-за обжорства и лени
И на всякий пожарный
Накормил я бедняжку
Огромной свиной отбивной.

Сермяжная Правда

*Нет, весь я не умру...
А.С.Пушкин*

Нет весь я не умру
Останется мой телефонный номер
И мужик в красном платье
И зеленой косынке
Будет кричать в ответ на звонки:
“Этот гнойный пидар здесь уже не жив, т”
И хоть я никогда к мужчинам не прикасался
Все будут уверены, что я гом
И такая посмертная дискредитация
И есть сермяжная правда жизни.

ПОПЫТКА ЛЮБВИ

О, дивная женщина, как ты нага,
Лишенная всякой одежды!
О, правая с левою рядом нога
И то, что курчавится между!
О, этот живот над колоннами ног
(Его не опишем никак мы),
О, этот глубокий округлый пупок,
О, мускульный жар диафрагмы!
О, эта чудесная нежная грудь –
Нет, груди, как две голубицы!
Про спелые сливы сосков не забудь,
Про тонкие эти ключицы!
О, ямка под шеей! Подобна она
Влекущей таинственной нише!
О, плечи – вернее сказать, рамена!
О, тонкая шея!
А выше –
Немытые космы торчат, кто куда,
Сопливы усы и клочна борода,
И брови густы непомерно,
Бессмысленный взгляд оловянен и туп,
Торчит меж губами прокуренный зуб
И пахнет наверное, скверно...

Юдифь с головой Олоферна.

УТРО

Либида
лебедей.
Либо-либо:
любовь Любы
или –
лежу в могиле.
Давно.

Дав, но
не полюбив,
Люба уходит. Отлив
страсти.

– Здравсьте,
я – ваша тетя!
– Врете:
я – сирота.

...У рта –
скорбная сладка. Во рту
трупная ртуть –
еще бы, с утра-то!
Утрата.

Урарту –
государство в Азии.
Вымершее. В вазе и
на полу –
гортензии, полу-
опавшие. Чувство пола
у человека, вставшего с пола,
атрофировано.
Автора! Кефира! Ванну!
Оживу!
О, же ву
зем...

Зем-
ля
вращается в небесной сфере,
Мы – вместе с нею, с нами – бактерии.
О-ля-ля!

Глядя на карту,
не сыщешь Урарту.
Вот именно, бля.

светлой памяти Д. Авалиани

лица озябшие плакальщиц не обученных мелодиям сл, з
ветхая маска из некогда сияющей кожи
ею прикрыто лицо недавно ушедшего
обруч солнечный над головой

оплакивать неутолимо
в землю уткнувшись лицом
в небе затылком уже растворяясь
так незаметно
так постепенно
сливаться
оплакивая неустанно
устаами и сердцем
небо и землю

у Метерлинка – башня – моя ладонь
у Метерлинка – парки – моя ладонь
у Метерлинка – небо – моя ладонь
у Метерлинка – моя ладонь – о т ч а я н и я

под солнцем сгустилась и опьянела листва
бетонные плиты уже позади
у кладбищенской насыпи – гнездо – сияние мира
еще не изведавшего свою глубину

я останусь в соснах
снимком на вечные времена
отпечатком в коре
в воде
целый день нисходящей с небес
в голосе капель
почему я прощаюсь заранее –
я не прощаюсь
я остаюсь состраданием
в ваших таких уже ветхих
и близких к полуночи днях
это мо, завещание –
угли от рая перегоревшего
грейтесь

летели друзья как сосны в небо летели
глазами белыми переглядывались
струились воздухом древних славян
двигались песнопеньем
друзья – как сосны – в небо

Из цикла **Или ада**

(стихи и не)

четверг с утра
пятница утро
суббота выходной
воскресенье с обеда
понедельник обед
с утра
после 16

история любви к спорту
жареной картошке
прыжкам в сторону
деньгам
неспелым ананасам
вождению автомобиля
розетке пылесоса
луне
депутатам Государственной Думы
размышлениям о смысле жизни
кубику Рубика
пластмассовой ложке
секретным материалам
хорошему пищеварению
геометрическим фигурам
огнетушителю
дырке от бублика
тополиному пуху...

стихи	деньги
стихи	деньги
стихи	деньги
стихи	деньги
стихи	деньги
стихи	деньги
денег	нет

лето – отсутствие зимы весны осени
зима – отсутствие осени весны лета
весна лето зима – отсутствие осени

печалит только осень

в объеме Слова
не вырваться из Слова
Слово за Слово

снова и снова
молодость
неизвестность
Новый год
перед
Рождеством

Бог, верно, да и нет, как пить и есть,
поэтому мы верим в то, что есть.

зачастила вьюга –
бездна, шепот, век, Калуга

стол
распахнутая книжка
текстом вниз

Поздней ночью на лезвии
Отразилась луна
Я теперь не под следствием
Ты сегодня одна
По аллее редющей
Ветер гонит тоску
А фонарь к небу тянется
Как младенец к соску
Молча звезды осенние
Свой роняют хрусталь
И в кармане набедренном
Молча греется сталь
Скоро листья последние
Зашуршат над тобой
И в лицо твое бледное
Заглянет постовой
А сирена врачебная
Вспорет ночи живот
И улыбку ущербную
С неба месяц пошлет
Свет мигалки мерцающей
Чей-то выхватит взгляд
Ледяной немигающий

ещ, одна весна в парадном
на отсыревшей батарее
в углу запл, ванном и смрадном
бычок горячий
воздух греет
и сквозь задраенные окна
сквозь железобетонный череп
сочатся влажные волокна
и пальцы пар на ст, клах чертят
и в парках силуэты веток
затылком повернулись к ветру
губами луж касаясь тучи
стирают небо метр за метром
но набухают где-то рядом
плодотворительные взрывы
земля пропитанная ядом
скрывает рвотные порывы
грязь расплылась по ней улыбкой
никто не знает как ей
теч, т слеза по ней улиткой
на камне слизь дорожкой тонкой

как обычно про снег
разговор у зимы
успокоенный
медленный
тихий
ближе к ночи
невидимым пленником тьмы
он из стен е, умерших
вышел
убежал
от дыханьем нетронутых стен
от надолго заснувшего неба
непривычной свободой
немых перемен
обеззвучен
отпущен
отбелен.

потерялся последний патрон
 город выклеван стаей ворон
 проявляется конским скелетом
 но в его сочлененьях пустых
 бледной кровью затеплился стих
 не отмеченный солнечным светом
 по ночам расцветает цветок
 тень сочится свинцом на песок

так впотьмах просыпается Этна
 в чьих объятьях лежит пустота
 досчитавшая еле до ста
 безответственна и безответна
 по ночам расцветает цветок
 прозорлив и затем одинок
 окропл, н из божественной горсти
 город м, ртв он лежит на боку
 клюв вороний стучит по виску
 застревая в расколоте кости

фотографии оттуда приходят неч, ткими
 с флейтой факир или девочка с ч, тками
 барахольщик нагруженный ветошью
 тронут тленьем а сверху ретушь
 сухие деревья на фоне размытом
 вполне вероятно и мы там

еле видимым выцветшим силуэтом
 позапрошлой зимой или будущим летом
 тенью неузнанной хаживал Хронос
 по тропам к которым я вряд ли притронусь
 навредить ландшафту проще простого
 иногда достаточно слова

фотографии отуда слепые снимки
 на них с пустотой говорят невидимки
 многозначительной пантомимой
 для глаза естественно неуловимой
 искали почище – и вот пожалуйста
 хочешь молчи а хочешь – жалуйся
 антарктический холод в карманном формате
 ждали просили – нате

фотографии оттуда немного страшные
 то обычные схватки то рукопашные
 то кровью забытого предка
 забрызгана львиная клетка
 то в медленном пламени чуждого мира
 сгорает знакомая с детства квартира

где ты саша соколов?
 я надеюсь жив-здоров
 верно на коне гарцуешь
 или полечку танцуешь
 может ты сидишь на печке
 пишешь стансы и сонеты
 и пускаешь вверх колечки
 дыма крепкой сигареты
 может ты скользишь на лыжах
 где нибудь в снегах Аляски
 а быть может где-то ближе
 сочиняешь сказки
 неизвестно где ты есть
 может там а может здесь

вилки роняю
 ножи
 никто не приходит

заполночь ужин

машины на перекрестке
 фар тараканы усы распустив
 пробегают не глядя
 на светофоры

дождь по карнизу сорокой

замрет

даст послушать
 нет ли шагов

и опять сам с собой в перебранке

если бы я курил
 то вышел бы на балкон
 сел на табурет
 и смотрел свысока на город

можно со стаканом вина
 но быстро достигнешь dna

а просто так
 как-то не так

так и не выхожу
 на балкон
 не смотрю
 свысока на город

.

луна вывесила свой ярлык на небе
 ничего особенного
 куда интересней
 смотреть на окно
 в доме напротив

полночь давно миновала
 а лампа не гаснет
 что там думают про луну
 и про свет из окна
 в доме напротив

ничего
 на луну и мое окно
 в доме напротив
 время не тратят

ну а луна

тень половину отгрызла
 да и то что осталось
 в облаках пропало
 пока смотрел на окно
 в доме напротив

пора и мне
 гасить свет да ложиться
 бросив последний взгляд
 на окно
 в доме напротив

только что-то мешает

нет не поеду больше я в Тарусу
нет никогда я не поеду в Вильнюс
нет не прид, тся мне поехать в Питер
нет никогда не съезжу я в Саратов
нет больше не поеду в Лисью Бухту
нет не поеду даже во Владимир

к Добрынину не еду во Владимир
не тороплюсь к Куцубовой в Тарусу
не еду к кришнаитам в Лисью Бухту
и даже не мечтаю к Элтанг в Вильнюс
не еду к Алексееву в Саратов
не собираюсь к Ямаковой в Питер

никто не жд, т что я поеду в Питер
никто не приглашает во Владимир
нет дураков возить меня в Саратов
никто уж больше не зов, т в Тарусу
никто не оформляет визу в Вильнюс
никто со мной не едет в Лисью Бухту

а я и не хотела в Лисью Бухту
не очень-то хотелось ехать в Питер
какая радость мне тащиться в Вильнюс
тем более тащиться во Владимир
желанья нету посетить Тарусу
нисколечко не хочется в Саратов

недосягаем для меня Саратов
уж очень далеко до Лисей Бухты
накладно с пересадками в Тарусу
неинтересно часто ездить в Питер
не так-то просто съездить во Владимир
не хватит денег на плацкарту в Вильнюс

вот так я больше не увижу Вильнюс
мне никогда не увидать Саратов
как видно не увижу и Владимир
не суждено увидеть Лисью Бухту
не посмотрю одним глазком на Питер
не полюбуюсь снова на Тарусу

ни в Вильнюс не поеду ни в Тарусу
ни в Питер не поеду ни в Саратов
ни во Владимир и ни в Лисью Бухту

как порвав цепное окружение
из метро выходит на простор
в летнюю субботу-воскресенье
устремив вперед тревожный взор

вы ей вслед оставились напрасно
черный топик, т, мные очки
нынче в парке жарко, – и прекрасно
глубже вырез, выше каблуки

не нужны ей ваши комплименты
здесь она гуляет просто так
в мини юбке под аплодисменты
в парке зазевавшихся зевак

*Зная себя, не знаю
Видна ведь глубина...*

Чту себя нюняком
от рык гнеобъят,
был величду гнедом
здобно верожат

Но слыша себя, не слышу...

Только опопыт
быстрононое валов,
урче озарит
нюнянюю с берегов

Видя себя, не вижу...

Фогониц вдруг слух
то ести-же в пути,
в транснаше таил дух
Лик иноти

Говоря себе, не говорю...

Среднок стальной –
если гордость свелна
и даже скупльше скупой
того что вредна

*Зная себя, не знаю
Видна ведь глубина...*

когда кончается день
(судьба – сука)
и стены домов
(скоро – лето)
остывают в темноте
(судьба – сука)
кто-то дергает ручками
(скоро – лето)
дрыгает ножками
(судьба – сука)
вращает шейками
(скоро – лето)
а в розовом небе
(судьба – сука)
заходит какое-то
(скоро – лето)
разбухшее яйцо
(судьба – сука)

Ртж шртв бнфгд пртгв
Шухер-мухер хроноскоп
Дфчг гнбвч ктрнм птрч
О, девки летом спелыя
Сдврт дфтптк клптв
Я захипал супер-хоп
Шртг ртф ртб нмгнх
Вот какой умелый я
Сдфрт нкз хрпз сртж
Хлоп-хоп, хлоп-хоп!

ВОТ ВЕДЬ ОНО КАК

душа просит возвышенного
хочется пойти на охоту
убить какого-нибудь
паука-червяка-муравья-мотылька
но они так малы и беззащитны
эти твари Божии

лучше пойти к пивному ларьку
и шлепнуть кого-нибудь по уху
чтобы на душе полегчало

но я ведь интеллигентный человек
что обо мне могут подумать

**ТРЕХЧАСТНАЯ КОМПОЗИЦИЯ
НА ТЕМУ “ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ”
ПОД НАЗВАНИЕМ “ТАКИХ”**

Вышел во двор а там двор
подался на улицу а там улица,
лег на траву а там трава
залез в огород а там поле

Вышел во двор а там двор
подался на улицу а там улица
лег на траву а там трава
Забрался на колокольню а там небо

Вышел в двор а там двор
подался на улицу а там улица
лег на траву а там трава
положил себя во гроб а там –
жизнь вечная...

Вышел в поле а там двор
вошел во двор а там улица
подался на улицу а там трава
лег на траву а там небо
забрался на небо а там огород
а в огороде – жизнь вечная
по-о-ля-а-а
дво-о-ра-а-а
тра-а-вы-ы-ы
у-у-ли-и-цы-ы
не-е-ба-а-а-а-а

ПОСЛАНИЕ ПИТЕРСКОМУ ДРУГУ

...а блокада — ада колба,
адский икс... да —
карма! мрак!
голод — кат, так долог
путь и туп.
— путин — и туп?!..
— путин — ни туп,
ни умен; ему — инь
иль ян ему? — меня ли
ему до? думе
ли иль?..
— нет дела ни...
наледь. тень.
а горе — рога
дьявола, балов яд
чертовских... икс — вот речь
о чем, меч. о,
N, икс, скинь
масок иго! ноги — к осам!
и в ад! о, душу-тушу — додави!
ад дан, дружок кожур Дна... д-да...
давить! и — в ад!..
то память: яма, пот,
голода адолог —
диалог... гол аид.
у! — гляжу-вижу: жив уж? я — лгу?
вижу — жив.
ne mertv — tremen(s).
еще увижу. живу еще!

это ничего не значит
этот ничего не значит
этот ничего не хочет
это ничего не значит
этот ничего не прячет
это ничего не значит
этот ничего не прочит
это ничего не значит
этот ничего не дронит
это ничего не значит
этот ничего не мечет
это ничего не значит
этот никуда не метит
это ничего не значит

текст: говорю с тобой
контекст: кажется — слушаешь
подтекст: понимаешь о чем речь

текст: говорю долго
контекст: отвечаешь однозначно
короткими фразами
делаешь паузы
пропускаешь мою мысль вперед,
чтобы ничего не сказать
подтекст: подтекст не нужен

что я могу сделать
а что я могу сделать
могу закричать
громко
очень громко
выйду на лестничную площадку
и закричу
ах вы суки
бляди паразиты
сколько можно
козлы недоноски
падлы уроды
и как вас только земля носит
закричу закричу
а могу и не так
ах вы сволочи
сволочи
сволочи
сволочи
все притихнут
а я ещ, покричу покричу
вернусь к себе
закрою дверь
выпью водки
позвоню по телефону
и лягу спать
когда выпью становлюсь добрее
не ору
не скандалию
как принято
нет суки
я ложусь спать

улыбайся, говорю, улыбайся,
тебе это больше ид, т,
чем ходить с постной мордой,
улыбайся,
пусть видят: тебе хреново —
а ты улыбайся,
криво, беззубо — улыбайся,
перекошенным ртом — улыбайся,
пусть от тебя будут шарахаться —
улыбайся, улыбайся,
вс, хорошо —
улыбайся, улыбайся, улыбайся...

в кухне ловлю комара
осыпается в вазе букет
при каждом ударе ладоней

на полу у двери в метро нищий заснул
мечется дверь у виска
если качнет головой – убьет непременно

возвращаясь поздно вечером
встретила во дворе
бездомную старуху
в длинных лохмотьях
с одной стороны ее освещала луна
с другой – фонарь
в бесконечном ее бормотании
отчетливо прозвучало только
«по ночам ходят одни евреи»

два игрушечных омоновца
стреляя из автоматов
ползут мне навстречу
в метро
по мраморному полу перехода
поодаль
нищий музыкант
играет на саксофоне
мелодию из кинофильма
«Верные друзья»

муравьи на асфальте
воробьи,
промышляющие картофель в «Макдоналдсе»
люди,
ждушие автобуса,
с таким лицом
словно услышали сейчас
нечто такое
отчего им теперь
неловко за «них»
неловко за себя...
и несколько старух
с неподвижным взглядом
в веренице прохожих
переваливаются на ходу
равномерно раскачиваясь
как метроном

асфальт интересен,
когда чувствуешь
что странно
что еще живешь
и когда кажется
что будешь жить вечно
асфальт интересен

весело несется поезд в туннеле
тянутся желтые лучи как коровьи ресницы
из-под тучи черной, тяжелой, летней
детская это привычка – не думать о будущем,
пренебрегать пищей, не замечать усталости,
времени и денег

она стекает в нас как летний день
как дымка газа – в амбразуры дота
как чуждость, как бесчувственная лень
как пустота, как смерть, и как икота

троянский конь – в отсутствие коня
вор у двери незапертого сейфа
как спирохета входит в дом где спят
и как комета падает без шлейфа

как ускоряясь, проникает в кровь,
меняет ход неравенства подобий
катализатор, провокатор, ложь,
идея фикс и прародитель дробы

каким соблазном призрачного блага
нам в души попадает это влага
и облучает нас – не различая,
и разделяет нас – не разлучая?

ответов нет, есть твои виски
и отсветы дрейфующей луны,
прокушенные губы и соски
на лицах просветление чумы

разбился хрупкий коллагенный век
в тебя слюдой вросла неврастения
и в круговом мелькании калек
запарилась двойная индустрия
над каждой бровью – новый тамерлан
потоки цифровых протуберанцев
выносят в парк, и каменный мужлан
клянет туман из въедливых субстанций
побудь другим, хотя бы один ден, к
качели носят воздух за границу
течь в стакан густой осенний сок
зевают от мороженые лица

Ты обретаешь тень второго я,
ползешь по следу слизанной улитки,
снимаешь с мушки тельце воробья,
и все никак не выйдешь из калитки.

зачем тебе так пакостно тянуть,
так сладострастно следовать чужому?
ты бы лучше выровнял линейки на полях,
и съездил в морду горе-управдому.

до отпуска осталось три часа.
так ждут конца времени и абсолюта.
не отвлекайся – в доме спит оса
и пять шагов доводят до маршрута.

КАЛЕНДАРЬ «ПАСТЕРНАК»
(сонет с прогнозом на 13 месяцев)

Январь. Сопит, но не грохочет.
Февраль. Навзрыд ревёт и тает.
Март. От стихов не просыхает.
Апрель. Поплакать очень хочет.
Май. Не просох, но будет плакать.
Июнь. Чернила все на слякоть.
Июль. Сбил ливнями грачей. Лишь.
Август. Сух. (Не для очей).
Сентябрь. Достал чернил и выпьет.
Октябрь. Залит и пробкой выбит.
Ноябрь. Намок последний лапоть.
Декабрь. Зажечь свечу и плакать.
Опять январь. Реветь нет мочи.
Пора, пожалуй. Снова хочет.

Университетская набережная*Ольге Логош*

Взгляни на их спины:
лопатки торчат,
как у девчонок на пляже!..

Мне так и хочется провести ладонью
по граниту...

Надеюсь,
ты ничему не научилась
у этих сфинксов...

«Поднебесная ликует, стрелок И умирает»

“My sun!” – перевожу: мой сон...
Одно на небе солнце – solo.

Sole mio,
я расскажу тебе китайскую легенду,
как девять солнц сияло в небесах.
Земля пылала,
но приш, л стрелок,
и восемь стрел запели, улетаю,
и восемь солнц погасло.

А стрелок
девятую стрелу вонзил себе под сердце, –
он не знал,
какое солнце было настоящим,
но жить не мог под ложным...

С тех пор одно на небе солнце,
sole mio.

Подражания Г. Алексееву

1.

Как забавно!
Перелистывая газету,
среди объявлений Web-провайдеров и рекламы
сотовой связи
вдруг увидеть:
“Бабка-ведунья”,
“Черный маг снимет порчу”,
“Потомственная гадалка”.

Как глупо!
Думать, что нас,
взрослых цивилизованных людей
кто-то может заклясть:
“Приворожить по фотографии
с гарантией 100%”, и к тому же
“Наложить заговор верности”.

Как страшно –
поймать себя на судорожной мысли,
что другого выхода нет:
тебя можно
только заколдовать.

2.

Каждый раз
я снова влюбляюсь...
– Не бойся, я с этим борюсь...
Я пытаюсь не думать о тебе,
а когда мы встречаемся, тщательно стараюсь
не называть тебя по имени,
не смотреть в глаза,
не отзеркаливать движения,
...ни в коем случае не допускать “случайного”
прикосновения.

Ты ведь сама знаешь,
как это будет больно –
разрешить себе глупую страсть.

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ*Максиму*

Вот они мои горы, джунгли, прерии.
Все – на белом листе.
С пережатой главной артерией
Выживают лишь те,

Кто способен к воображению,
Неугнетенной мысли движению,
К абберрации буйств, к абстракции,
К внутренней эмиграции.

Мы с тобою такие. Можем зажаться,
Замолчать на десять, сто лет.
Смысл не в том, чтобы умножаться,
Важен неповторимый след.

Мы сожмемся, оуклимся, станем спорами,
Чтобы выдержать космоса вечный гнет.
Перелетим над земными спорами.
Слышишь, метеорит поет?

Это наш корабль эмигрантский,
Загружай тетрадей черновики.
Мы с тобой познаем вселенское братство,
Да без России писать не с руки.

АМЕРИКАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Гуляя меж могил на кладбище старинном
Я что-то уловил в послании недлинном:
«Прощай, моя Россия, навсегда.
Тебя я не увижу никогда».

Гранитный памятник звездой шестиконечной
Был осенен. Покой оберегая вечный
Береза старая в белесой бересте,
Как в талесе молитвенном стояла

Внутри ограды. Птица ликовала
Весенняя, внимая на кресте
Моим этнографическим находкам.
Я обратился мыслею к погодкам:

Один был из России иудей,
Другой приплыл из Англии своей.
Так почему, гонимый и бесправный
Мой соплеменник свой последний, главный

Привет к стране рожденья обращал?
Ужели, умирая, завещал
Мне эту связь духовную продолжить,
Чтоб передал ее все дальше, дольше,

Чтобы диковинный и несуразный плод
Любви и ненависти, языка и сердца
Родил в стране приобретенной скерццо,
Которое и плачет и поет.

ЖЕНЫ КОРОЛЯ ГЕНРИХА

У первой жены был шлейф из пурги.
Пургой замело Белорусский вокзал.
Она завернула в шлейф пироги
Он шлейф в два узла завязал.

Вторая жена укатила в Париж.
Кататься верхом в Булонском лесу.
Каштановый лист, длиннопал и рыж,
Она прислала ему в письме.

А третья жена пирогов не пекла,
Не знала дорогу в Булонский лес.
Она на кладбище принесла
Тяжелый могильный крест.

***	***	***
N.N.	кто не спешит тот успевает	ты приходишь и берешь и отходишь и жуешь
трусы мне оказались малы а носки меня спасли	***	(про фуршеты)
***	спешит тот кто слишком много на себя берет	***
увы увы увэй увэй	***	лето теперь уже только если бабье
***	солнце светит и море блестит в картине эта лодка похожа на корку дыни	***
он стал достоянием доцента	***	Читал ли Зою ты Эзрохи? Прочти! Ее стихи неплохи.
***	что эта дура по прежнему считает тебя гением?	***
поебень свою выучил он наизусть	***	я спал и видел сны
***	он любит всяческую красоту и порочность-барочность	***
сперва подумал	***	не пей красавица при мне
во-первых ебаться во-вторых думать	***	***
потом записал	Такеши Китано похож на нашего Шукшина	***
но в другом порядке	***	посидел поседел
***	***	***
нет уж нет уж ни за что	обратно в сон нырнуть за текстом	как он кончал и как скончался
***	***	***
я как-то не болею за успех этого дела	красота – страшная слабость	***
***	***	лобок в кудрях отлива бронзы
пьеса ставшая для потомков подобием социологического теста	***	***
***	весь тираж под нож	***
чайку попить еще чуть-чуть	***	не все съедать зАраз
***	мать-природа в розовых трусах	***
[а сегодня] что у вас? – шоу, вальс	***	фантазировать на темы моих стихов не возбраняется
***	заснуть под Тютчева	***
жизнерадостный представитель среднего класса	***	силаволи очень слабая
***	завтра среда послезавтра четверг после с тобой расстаемся навек	***
быть большим большое неудобство	***	сегодня вроде бы тепло
***	единственный приличный среди них был человек Иафет	***
Ньюкасл, Манчестер и Арсенал	***	узелковое письмо Авалиани
***	у чукчей есть теперь Чуковский и у зырян своя Сафо	***
что, парень, стопарик?	(это я оттолкнулся от фамилии сибирской поэтессы Жанны Зыряновой)	и Мишу жалко и Митю
		(это про Файнермана и Авалиани)

««»»

Кокетливая умница
Та девушка была
Франциска что Асизского
В ужас привела

Решительный был юноша:
Теснил е, кон, м,
Она же ему – сисью
С антоновым огн, м.

Горим, горим антоновым,
Горим, огн, м горим! –
Звуком обёртоновым
Исходит Третий Рим

Вестники

Кто сзади у меня всегда
Глядит прищурясь вбок?
Кому стезя из никуда
Запасом лишним впрок?

За кем по маслу раскатав
Но в образе скота
Но в облике и ласку дав
Исчезнет отскакав?

Шаровая молния покатила вдал
Искры по дороге поднимают пыль
Вот она уж выписала траекторию пуль
Попадают в цель они только что не вдоль

Два световых луча исходят из верхушки
Из многих состоят они отдельнейших пучков
И все бегут, бегут как много паучков
Не могли убежать от лысины макушки

А половина их по-прежнему пресна
Бежит у старых мест неясна и грустна

Могу
И в то же время не могу
Хочу
А кажется, что вроде не хочу
Бегу
Бежать не надо – не бегу
Лечу
Вот это да! Но не лечу

Как за спиной моей могучие свистят!
Как хлопают они в два с половиной пальца!
А там прохлопавши вс, так же шелестят
Проникновенные душой страдальца

Был крылий скрип один его костей
И двигатель один на, м хвосте
Летучим быть казался весь скелет
Как мало туч летало в воске лет
А воздух воя выл во их нутре
И завывал смотри не посмотри
Уключину у ключника пора
А ость пера опустошить пора
Оратай будь, оратору позор
С иным таким же быть и быть в дозор

Одухотвор, нная душа
Смотрела в окна не дыша
Глядела как одушевл, нный дух
Страется за них обоих двух

Удешевл, нные товары
Идут за них по нитке с пары

Слеп на глаза накинй платок
И волосы свяжи
Белок не капает в желток
Глазами удержи

Накинй, накинй же на глаза
И мни что будешь слеп
Сползет дорога с колеса
Ты ж мни, что будет след

Стою и стерегу
Серьгу

Взгляни как есть на существо вопроса:
Чего я вечно там один всегда?
Ведь вот свинья – пускай не супороса
А вс, ж довольно хрюкнет иногда

Теперь послушай естество ответа:
Допустим ты один и это так
Но хоть свинья не ведает завета
А вс, ж довольно двигает пятак

Мы вещество означим многоточьем
Поскольку кипятим и тюрю мы
Да чувствуя окатим многострочьем
Да чувства без катиться из тюрьмы

Много есть у естества
Вещества и существа

Если выдуть молодым
Оста, тся только дым

Только дым, не вещество
Естество и существо

Смотри-ка искоса
Молчи как ватный столб
Всего-то ради искуса об стол

Спас и Самарянка

Остался у них один сухарь
А перед ними город Сихарь
Он к нему подошел, у источника встал
Ходил в жару, от зноя устал
И решил он там под деревом сесть,
А учившиеся ушли купить поесть.

Сидит он сидит, глядит вперед
Видит: некая дама ид, т
По воду, по поводу подводу ведет –
Видом весьма легкомысленна
Посмотрел он на нее глубокомысленно,
Думает: куда это она никуда не спешит?
«Дай» – говорит – «попить» – говорит.

Изогнувши бедро у источника
С водоносом стояла она
По свидетельству первоисточника
Полноценная как луна,
Когда она полна,
Волна речи е, была:

– Что ж ты, кто ж ты этакий, что просишь меня:
«Дай воздуха вздохнуть, дай воды, дай огня...»
Наши нации не общаются!
Меж собой вдвоем не сообщаются!

Он в ответ ей: – Знала б ты,
Так сама просила б у меня воды!

Но сказала она смотря от бедра:
– Да у тебя же нету хотя бы ведра!
Сударь, нет у тебя даже ковша, а кладезь глубок,
Положить клад в колодезь поможет Бог?
Тем более достать живой воды,
Проточной и пресной дабы омыть уды.

– Мужа – тогда он сказал – тогда
Мужа приведи и иди сюда!
– Нету, нету мужа – она в ответ –
Нет у меня мужа, нет как нет!

– Было у тебя пятеро мужей,
А теперь и нету одного уже,
Тот кто у тебя тебе не муж,
С ним я тебя уже не возьму ж.

– Провидец! Пророк! – закричала она
И побежала обратно в город.

ИЗ КНИГИ « No!Love»

ПО СУТИ

Мне люди
По сути
Своей противны
Пародируют театр
Используют клизмы
Испражняясь орально

По сути действия
Завуалируют уродства
Оставляя зачатие
Производству
Ведь жить, увы
Визуально

Дамы
Куда же вы
Подевались
Скучно без вас
Малость
Подробности
Паскудства
Далее...

ПРОПАСТЬ ТРИУМФА

Два дня триумфа и хули
Вс, равно одинок в квартире
Выставки поэзия
На хуй никому не нужен

Естественно подходили бабы
Брали телефон знакомились
Покупали книги вертели задами
Атрибутика слишком выпренна

Я устал недоумками признан
Переводчиками издателями
Я вам подарил воздух
Находясь в Нью-Йорка Кашченко

Среди малых стен Манхэттена
Готов упасть навзничь
Лишь бы были последствия
Моих действий и навыков

МОТИВ

себя пережить невозможно желательно
пересест в метро в н, м уснуть
пропустить встречу в кафе
проснуться в квинсе
поехать назад

из вагона в вагон
в поисках сидячего места
наудачу
в кампании мексиканцев
в кампании себя

проклинать
и ещ, улыбаться
хлопать по карманам
в поисках зажигалки и денег
находя чужие рукописи лишь спички

ПОЛЯРНОСТЬ

Те у которых спелые губы и приплюснутые носики
Возбуждают очень маленькой грудью женщины
Когда температура воздуха отбивает на градуснике минус
Они надевают кроличьи шапки занимают свободные места в поездах
И редко болеют и не подхватывают вирусы

Обычно они снимают квартиры напололам со студентками
Мечтающими стать актрисами происходит это в недорогих районах
Они садятся с бутылкой вина вечером и улыбаются
Междометия деепричастия и стансы обусловленной в сенате лирики
Помогают им говорить о соседке соседке и прозе Лимонова

Вс, это женское неудовлетвор,нное одиночество
Высасывающее сперму из пальца на грудь малую
Когда длина пальцев устарела для фортепиано
И ночь в незнакомой постели увы не удовлетворяет
Ей как и другим я знаю хочется того на что они не способны
Раз два чувство величина полярная

РИТЕ БАЛЬМИНОЙ

было в бруклине возвращался в
ню-йорк из гостей ночью поздно
уставший неопредел,нного возраста крякнул работяга
зачем маршруты метро поездов изменили
да не меняли ни черта другие налепили
буквы наверно учат алфавит
вс, равно мудозвоны мне ответил мужик естественно
то что он прав ничего не меняет
как и шутка моя уставшая
в городе где люди не меняются
только стареют и уезжают
умирать во
флориду

УТРО

подбитым глазом циклопа продирается утро в квартиру
расшторив
перьевых облаков ресницы
а я даже не собирался
ещ,
укрыться
одеялом-крышкой

время – двойной агент себя переводит на час вперед,
враг-циферблат
изъяняется «на пальцах»
не глядя в глаза
прикрывается
мелодией вальса
как телеэкраном политик

бессонница – это синкопа в ритмике будней
театральной «пушкой»
выдирающая пространство
в сознании
для создания
аванса
(високосного года)

О РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ В США

Клуб поэтов Нью-Йорка

«США – низкорослая страна, как и Россия, – маленькие домики, такие же люди. В особенности – писатели. Америка-Жмеринка.

Нью-Йорк – Манхэттен. Город без центра. У каждого района своя интровертность без центробежности. При этом микрорайоны плавно перетекают друг в друга, тоже происходит и с авторами. Столь же убого похожи друг на друга, как говенного цвета шестиэтажки в Бруклине, приютившие графоманское кодро колбасной эмиграции из бывшего Советского Союза.

Все стремятся на полку. Книжную. Любой ценой. Несбывшиеся беспочвенные мечты гниют на настиле брайтонской набережной. И под ней тоже. Героиписаки воспевают свой ра,к, перевез,нный в контейнерах из украинско-молдавских городков и деревень. С трапа самол,та – в историю. Историю болезни. Собственной. Диагноз у всех один – перелом шеи, вызванный длительным ношением короны с поддельными бриллиантами.

Мельтешат, роятся, роятся в навозной куче собственного бессилия. Раздвоенные языки сыплют советами и комплиментами. Панель для нищих. С соответствующим запахом. За пять минут успевают выпалить то, что надо читать двадцать.

- Ну, как вам, Алексей?
- Сам разве не знаешь?
- Может мне что-то подправить, как-то улучшить?
- Что?

Вечно влажный Нью-Йорк. Возбужд,нный и плаксивый. Графоманы с энурезом и подмоченной стукачеством (ещ, в СССР) репутацией. Душный город. Многие здесь намылили веревки. А умерли от СПИДа.

Графоманы с апломбами и выпавшими пломбами. Жители атоллов в канализационном океане. Вечные аборигены. Делятся на печатаемых и не печатаемых.

А стоящие, истинные авторы? Уже и на бывшей родине издают ваши книги за копеечные гонорары. А что изменилось? Раньше сидели в глубокой диссидентской жопе, а сейчас – меблированной.

Русскоязычные авторы пытаются селиться среди «своих» – выходцев из бывшего Советского Союза. Публиковать произведения на русском языке на русскоязычных сайтах логично и естественно, переезжать с Рубинштейна или с Дубровки на Брайтон – идиотизм. Графоманы-иммигранты попадают в среду, говорящую на смеси украинского-идиша-иврита-русского-английского. Америку они видят сквозь призму родины. Среди них нет Американских Русскоязычных Поэтов.»*

«Магазинник»

Магазинник (назван по фамилии одного из учредителей) – журнал (как электронный так и бумажный) бруклинской «прогрессивной» молод,жи, которые иногда печатают и не бруклинских авторов (Э. Шендерович, Даен, Беломлинская, Саша Коган, Бахчанян, Могути. Магазинник – «дети» К.К. Кузьминского. Их кумиры – Хлебников, Кузьминский, Аллен Гинзбург.

Иногда мне кажется, что редакция «Магазинника» находит слабинку в творчестве профессиональных авторов, а затем осознанно публикует слабые подборки, либо настолько маленькие (1 – 2 стиха), что об авторе не может сложиться никакое впечатление, наилучший тому пример – Волохонский, увы...

На мой взгляд наиболее «интересным» автором из этой тусовки является Игорь Сатановский, когда он не «выкультивируется» в своих стихах.

Редакторы и дизайнеры «Магазинника» живут в районе Брайтона, чем гордятся, проводят там «акции», как например, хождения по Брайтону и окрестностям с мишенями на спинах или усаживание куклы в человеческий рост на скамейку набережной. Они называют это «хэппенингами», «перфомансами», «акциями» и «современным искусством». К сожалению, с каждым номером этот журнал портится вс, больше и увереннее, окончательно заменяя тексты (да и раньше авторы были очень плохо представлены) графикой и дизайном.

«Членский Журнал»

Будучи главным редактором этого издания, я не стану в этой статье давать оценку журналу. Также не стану оценивать авторов. Вот некоторые авторы, чьи произведения были опубликованы в «Членском Журнале»: Александр Шленский (Флорида), Рита Бальмина (Нью-Йорк), Анатолий Гланц (Бруклин), Константин Кузьминский (Хэнкок, Нью-Йорк), Александр Очеретянский (Нью-Джерси), Лев Халиф (Квинс), Вагрич Бахчанян (Нью-Йорк), Ярослав Могутин (Нью-Йорк), Эдик Шендерович (Сан-Франциско), Виктор Урин (1924-2004, Н-Й) и др.

Вокруг (да около) «Самовара»

Около 15 лет назад, благодаря финансовой помощи Бродского и Барышникова, Роман Каплан открыл в центре Манхэттена ресторан «Русский Самовар», на втором этаже которого проходят презентации книг, журналов и поэтические чтения, которые, зачастую, заканчиваются фуршетом с лозунговыми тостами. Большинство авторов – «традиционные», пишут, подосознательно (может, и сознательно) шлифуя стилистику под толстые журналы, такие как «Знамя», «Арион», «Звезда» и им подобные.

Постоянными «чтецами» этого заведения, которое многие называют «ЦДЛ Америки», являются профессиональные авторы, в том числе гости из России, (многие имеют в «загашнике» не одну книгу): Ирина Машинская («причесанный» автор весьма средней руки, у которого огромное количество публикаций в периодике), Григорий Стариковский (прекрасный переводчик из Нью-Джерси), Хельга Ольшванг (автор, дал, кий от сантиментов), Бахыт Кенжеев (постоянный гость из Монреаля), Андрей Грицман (врач, организатор чтений на разных языках, пишет также и по-английски), Виктор Санчук (на мой взгляд, лучший русский поэт США, пик его популярности приш,лся на начало 80-х, Виктор также переводит с немецкого), Вадим Месяц (единственный «славянский» поэт, автор народных песен и матерных частушек, жив,т под Нью-Йорком), давно ничего не пишущий Володя Друк. И еще, несколько человек.

Эпилог

Американская русскоязычная поэтическая среда выигрывает от российской в том, что «наши» авторы увезли и сохранили чистый русский язык, который, увы, не так часто найд,шь у поэтов, проживающих на территории бывшего СССР. В России в последние годы появилась отвратительная тенденция не переводить английские слова, а употреблять их в устной и в письменной речи, используя кириллицу, дабы «не усложнять себе жизнь». Пример: «гламур», «бойфренд», «сейл» и т.д..А проигрывают в недостатке общения на родном языке. Благо, поэзия – язык международный.

* Из романа А. Даена «На Полке»

ВРЕМЯ УШЛО

Когда Кириенко собирался баллотироваться в президенты (так и вижу слово «баллотироваться» мгновенно подчеркнутое мне красной волнистой линией, – поэтому сразу и пишу: «баллотироваться», – пишу на бумаге гелиевой ручкой), он устроил фестиваль «Неофициальная Москва». Это было в сентябре 1999 года. Ему помогал Марат Гельман. Помню, они ходили вместе по всем «точкам» и вс, обзривали.

Вс, это было затеяно с целью привлечения в электорат «культурной богемы» или, так сказать, «интеллигенции андеграунда», которой (по подсч, там Кириенко) оказывалось в Москве очень много... Сомнительная затея – создать таким образом группу электората. Я думаю, Гельман это понимал. Но если Кириенко давал деньги, почему бы Марату этим не воспользоваться? – Все правильно. Честь ему и хвала.

Одним из мероприятий «Неофициальной Москвы» был банкет для литераторов в ресторане «Петрович», принадлежащем Андрею Бильджо. Не знаю, кто составлял списки гостей, но мы со Светой в них почему-то попали (впрочем, мы были заявлены в каталоге фестиваля как «Клуб литературного перформанса»). А попасть в какие-нибудь списки для нас величайшая редкость, – поэтому мы, конечно, пошли.

Входим в полут, мный зал – растерянные – начинаем оглядываться, ходить между столиками, ища подходящую компанию. Видим Л, ню Костюкова, который нам машет: садитесь сюда. Мы сели. Сидим, жимся. Подходит официант: «Что желаете заказать?» – Мы смотрим в меню, мн, мся. Непонятно, что оплачено, а за что надо самим платить. Спросить – стыдно. Денег с собой, понятно, ноль. Как-то – обиняками – начинаем выяснять... Вс, это крайне мучительно... Потом оказалось, что все оплачено, кроме некоторой – самой дорогой – выпивки. И потом уже ставили на столы вс, подряд, не спрашивая. Столы ломились. Перемены блюд следовали, казалось, бесконечно...

Л, ня Костюков где-то гулял-тусовался, – когда официант к нам подходил. Вернулся Л, ня и говорит: «Давайте выпьем. У меня сегодня знаменательный день». И сделал паузу. Я думаю: что такое? юбилей какой-нибудь? – Он объясняет – очень серь, зно, с неким сдержанным пафосом: «Меня сегодня впервые кормят обедом только за то, что я – литератор».

Что он имел в виду? – Какие-нибудь литературные обеды, которые купцы давали, например, Куприну или Бунину (вкупе с Шаляпиным)? – Возможно. Да, это маячило где-то на заднем плане. Но Л, нина интонация была немного другая: она была направлена в будущее. Очень значимо он произн, с слово «впервые» (а Л, ня умеет сказать внушительно), – как будто он видел впереди длинную череду обедов, которые теперь за этим последуют, – лиха беда начало. А кто же (– я озадачился) их будет давать? – Кириенко мелькнул – и вот уж нет его. Кто дальше? – Никого не видно...

Кириенко приш, л (вместе с Гельманом) где-то во второй половине вечера. Взощ, л на эстраду, оглядел зал. (Кто перед ним выступали-читали, я не помню. Ну, Пригов наверняка... Иртеньев, может быть...

Я – не выступал. Света – не помню, может и выступила, хотя вряд ли...). Кириенко скромно попросил минуту внимания и рассказал анекдот, который тогда мне показался примечательным (весьма пиаристым, – я ещ, подумал: какой это умный имиджмейкер у него, что подобрал ему этот анекдот) – но сейчас, как ни напрягаюсь, я не могу тот анекдот вспомнить. – Время ушло.

ГЛАЗ И ЧЕЛЮСТЬ

Один демобилизованный калека после Великой отечественной войны имел один искусственный глаз и вставную челюсть. Делать ему было нечего, он ходил по пивным и заключал пари о том, что он укусит свой глаз, а потом... укусит второй. Ну, все это знают, многие попадались на эту удочку. Приходилось раскошеливаться и выставлять калеке – на первое пари кружку, а на второе – уже чекушку...

Так бы и жить ему скромно этим промыслом, но ведь давно замечено, что от частых возлияний люди теряют чувство меры (а также в какой-то степени теряют ориентацию). – Однажды, обойдя уже три пивных и зайдя в четв, ртую, калека перепутал последовательность и на первое пари сразу вытащил челюсть вместо глаза. Когда затем он попытался поспорить, что укусит свой второй глаз, его, конечно, подняли на смех: «Ну, теперь понятно, что укусишь! Какой дурак с тобой будет спорить!»

Он так расстроился, что после этого случая стал каждый раз мучительно соображать, что вынимать первым, а что вторым. А ведь чем больше думаешь, тем чаще ошибаешься – это известный феномен! И вот его ошибка стала повторяться – не часто, конечно, а так, время от времени...

Наконец случилось так, что он совершил двойную ошибку: вынув на первом пари челюсть, он укусил искусственный глаз. Его товарищи это заметили и решили рискнуть. –

«А спорим, что я укушу второй глаз!» – сказал калека.

«Не укусишь!»

«Укушу! Спорим на чекушку!»

«Не на чекушку, а на две поллитры и пять пива! Идет?»

Калека обрадовался. Ударили по рукам...

И тут он с ужасом обнаружил, что его второй глаз не вынимается. Тут бы ему снова вынуть челюсть и укусить, но от растерянности он и не подумал это сделать (его товарищи правильно рассчитали). Как в страшном сне, он пытался подцепить ногтем глазное яблоко, а оно никак не давалось, пока наконец не потекли слезы и не затопили ему пол лица.

«Давай теперь ставь две поллитры и пять пива!» – сурово сказали товарищи.

Но поскольку денег у него не было, ему, чтобы расквитаться, пришлось обойти еще пять пивных. В четырех он сделал все правильно, а в пятой под конец немного расслабился и опять ошибся. Впрочем, это было не так важно – две поллитры и пять пива он вс, равно уже собрал...

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

СУЧКА С СУМОЧКОЙ

*Гремит ли барабан иль плачет дудочка
Мне все едино если это правильно
Но если рядом ходит сучка с сумочкой
Я не уверен в том что это правильно*
Алексей Хвостенко, Анри Волохонский
БЕРЛОГА ПЧЕЛ, 2004

**...я хотел бы жить и умереть в Париже...
на Васильевский остров я вернусь умирать...**

Хотел бы, но пришлось застрелиться в Москве, у второго поэта даже не случилось вернуться. Алексей Хвостенко приехал в Москву, приехал не умирать.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ:

14 ноября 2004 года в Зверевском центре откроется выставка известного русского поэта, музыканта, художника, сценариста

Алексея Хвостенко

«Колесо времени».

Впервые в России будут показаны деревянные объекты

и скульптуры, привезенные из Парижа.

Выставка приурочена к дню рождения Хвоста, в этот день

ему исполняется 64 года. Несите подарки, ждите сюрпризов.

В телеАФИШЕ на канале «Культура» Хвостенко назвали **дедушкой русского рока**.

Шестидесятичетырехлетнему дедушке, разумеется, сучка с сумочкой **для истины ещ**, (уже) (не)**одно препятствие**. Сучка с сумочкой тем не менее явилась через две недели в одном из своих обличий и преподнесла сюрприз. Хвостенко умер в ночь на 1-е декабря от отека легких.

Хотелось бы написать о нем просто так, без какого-либо повода, но такая уж в России культурная структура – календарно-юбилейно-похоронная.

Впервые увидел Хвостенко в конце шестидесятых на квартире Владимира Бродянского (угол Почтамтской улицы и Почтамтского переулка, прежде – Герцена и Союза Связи, рядом с главпочтамтом), Бродянский учился тогда в Щукинском училище на режиссера и, как Хвостенко, **болтался меж двумя столицами** (а расстояние между двумя городами, принято считать, измеряется от главпочтамта до главпочтамта). В ту пору сучкой с сумочкой могла быть актриса, курсистка, подружка на вечер, прелестница. Алексей в тот вечер всерьез был занят одной из них, ставшей впоследствии его женой (**хочу лежать с любимой рядом, а с нелюбимой не хочу**). Когда его попросили спеть, он сделал это как-то нехотя, вполсилы, Бродянский попросил исполнить его любимую песню, но он отказался. Бродянский взял гитару и спел сам. Выходит, не хотел обольщать песнями. Так я думаю сейчас. Тогда, понятно, Хвостенко не произвел на меня никакого впечатления, тем более, что в тот вечер какой-то умник отвлек разговорами о русской религиозно-философской мысли, в которой я был дуб-дубарем, и это задевало больше красного вина, нацеленных взглядов и неизвестных песен.

Потом к середине и концу семидесятых сучкой с сумочкой (с саквояжем, заплечным мешком, рюкзаком) стала Софья Васильевна (советская власть), у нее был нервный срыв, состояние близкое к раннему климаксу, и она здорово шуганула художественную и писательскую шатию-братию: одни оказались в мерзлотах ридной батькивщины, других припугнула – схватились там же, где разумели, третьи драпанули за бугор – кто в пидерастический Париж, кто в нарко-Штаты, кто куда мог. Бродянский оказался в Израиле, выпекает там черный хлеб для бывших юэссасаровцев. Хвостенко поселился в Париже. Конец семидесятых – восьмидесятые – годы его творческой активности. Совместно с Марамзиным он выпускает литературный журнал ЭХО, где увидели свет многие тексты из российского андеграунда. Помнится, с каким интересом эти небольшие книжки формата А4 передавались из рук в руки, зачитывались, вселяли надежду в тех, кто остался здесь. Вместе с книжками колесила по городу пластинка песен Алексея Хвостенко и Анри Волохонского «Прощание со степью», без функций колеса, стремящегося доехать (по Гоголю) до Москвы. Хотя слова **на суд на суд/ покойники идут/ на суд на суд/ полковники идут/ за ними под-/ полковники** идут воспринимались почти как марш протеста наыворот, вс, же это были песни для битников и интеллектуалов. Даже Вилли Токорев на развалах великой империи сумел снять с говна пенку. Хвостенко же не прикладывал никаких усилий для получения широкой популярности, не спешил навевываться обратно в Россию, когда после девяносто первого наметился обратный поток.

И все же сучка с сумочкой – это муза, судьба. Она вед, т по жизни, иногда балует, часто строжит. Мне кажется несправедливым, что почти всю славу песни Алексея Хвостенко и Анри Волохонского «Под небом голубым» гребнем сгр, б себе в сумочку, сучка, рок-музыкант с козлиной бородкой. Ровно год назад я оказался в Париже по случаю участия в Осеннем салоне 2003 и салоне Carrousel du Louvre 2003. Нужно было разыскать Хвостенко, чтобы передать ему 10-й номер бюллетеня АКТ с его стихами. Телефоны, записанные у меня, устарели. Помог Владимир Макаренко. Мы встретились у стеклянной пирамиды Лувра и направились в кафешку на противоположном берегу Сены. Было ощущение, что его интересовала в равной мере и публикация, и встреча с человеком, приехавшим из России, хотя железного занавеса уже давно не было. Он выглядел усталым, накануне долго болел, из сквота его вроде бы выжили бывшие коллеги. Я передал АКТ и пару своих книжек. Моя дочь Анна сделала несколько фотографий. Хорошо тебе, сказал Алексей, твоя дочь может тебя прочитать, а моя Анна по-русски не читает, только говорит, знаешь, может сказать: **папа, зачем ты мне сделал упасть?** В разговоре я вставил фразу о песне «Под небом голубым» – **Ну, почему?.. Он ведь просто пел...** – Но нигде не обозначал, что это не его песня. – **Но и не говорил, что его, у меня есть пластинка АССА, там написано: народная песня...** Честно, такой доброты и незлобности я не встречал в художественных кругах.

Родина – это язык. Без языка – ты бомж. Но если даже знаешь чужой язык (Алексей хорошо знал английский, год прожил в Штатах, три – в Лондоне), все равно песни твои остаются бомжами. Говорят, когда у него возникали трудности с деньгами, он брал гитару и шел петь в метро. Там конкурентами были испанцы, итальянцы, негры, арабы...

С Хвостенко довелось видеться всего четыре или пять раз, разумеется, мои заметки – взгляд со стороны и, вообще, возможно, не о н. м. Но вот одна деталь: на презентации поэтической антологии «Поздние петербуржцы» Алексей пел под гитару, но спел только те песни, которые в ту минуту ложились ему на душу и голос, отказавшись удовлетворить многочисленные просьбы из зала. Выходит, дважды повторилась одна и та же ситуация.

Наверное, не случайно. На выступлении в Зверевском центре он вообще отказался петь, а только читал стихи.

И, наконец (и опять же), сучка с сумочкой – некто с косой, черным зонтиком, флаконом с ядом, вставными зубами или беззубая, заслуженная пенсионерка, ветеран труда, врач-диагностик, без УЗИ, беглым косым взглядом определяющая ваши болячки, ежели вы, например, мааетесь сердцем, достанет вас воспаление л. гких с отеком. Алексей Хвостенко умер вскоре после открытия выставки в Зверевском центре. Как художника, знаю его мало. В прошлом году видел пару холстов на предрождественской выставке, организованной Вадимом Нечаевым в галерее Mailetz. На этом безуспешном коммерческом мероприятии его работы, ориентированные на русский авангард двадцатых годов, выглядели как-то странно и их стыдливо повесили сбоку под лестницей Вещи, выставленные в Зверевском центре, значительны и серьезны, хотя мне не совсем понятны, я долго вглядывался в них и не мог вступить в диалог. Открытый в песнях, сдержанный в стихах, он показался мне чрезмерно самоуглубленным и замкнутым, как художник.

Алексей Хвостенко был выдающимся, гениальным рок-музыкантом, его концерт весной этого года в «Орландине», в Петербурге на Петроградской стороне, с группой АукцЫон – что-то запредельное, неподдающееся описанию. Чувствовалось, что он нездоров, начал петь чуть ли ни в положении лежа, потом разошелся, когда дошел до «Сучки с сумочкой» все встало на свои места и сдвинулось с мест. О музыкантах, игравших с ним, можно говорить только в высоких выражениях, несмотря на то, что это была настоящая андеграундная музыка, без соплей и фальши, не нуждающаяся в красивых словах, в общем, лабухи-рокеры-попсовики-кислотники-затейники всех стран и народов отдыхают.

...нам не дано предугадать...

Тем более судить. Современники всегда ошибаются. Какова судьба будет у песен Хвостенко? Сравняются ли они в славе с песнями Вертинского? Но ежели останется только «Сучка с сумочкой» – уже что-то. Кто бы не хотел, чтобы от него ослалась хотя бы одна строчка? Дедушка русской литературной критики Топоров в «Поздних петербуржцах» писал: «И у Хвостенко, и у Волохонского есть несколько сборников серьезной лирики, но фактом петербургской культуры стали, на мой взгляд, именно их песни». Вспомогательный стихотворный отрывок из публикации, подготовленной Владимиром Эрлем в 10-м номере АКТа:

РЕЕСТР

собрать точки
в нескольких сантиметрах
в нескольких бумажных конвертах
в нескольких резиновых шляпках
(третья четверть XIX века)
собрать изумрудные ордена
из-за границы неуспеваний
из-за ссоры с соседями
из-за отсутствия выпивки
или спор:
он был
он не был
собрать картинки из журналов:
«это теперь пригодится, это потом»

шрифтом крупным и мелким
это самоубийство в метро
это сообщено родителям
или это иначе
или это колокольчик на шее животного
или это компас живописи старых мастеров
(вокруг магнитного поля сурбарана и эль греко)
или это насекомое отыскавшее банку с м, дом
или это иначе
или это иначе
возможно некоторое отступление от места
от продолжения поисков спичечного коробка
или просто завалившейся спички
от вокзала который забит бегущими
от девки которая не понимает чего она хочет
от папиросы набитой планом
от плана и распорядка дня в психиатрической лечебнице
от ложки супа
от чашки молока
от обезумевших клопов
от улитки
от муравьяда
от аиста

или это иначе
или это иначе
или это иначе

Валерий Мишин

(перепечатано из журнала «Путь домой» #1 (20) 2005)

ИЗ ДНЕВНИКА

Умер Леша Хвостенко. 14 ноября мы отмечали день его рождения. Выпили по рюмочке. За столом в Зверев-центре были Андрей Сокульский, Лешина дочка – Вера и я. Он вносил правки в пьесу «Пир», которую передал для «Детей Ра». И вот декабрь. И Леша нет.

Хвост был уникальным художником. Настоящим гением. И что удивительно – хорошим человеком. Я ни от кого не слышал о нем дурного слова.

Масштаб дарования – фантастический. Поэт, бард, режиссер (он сейчас в Москве договорился, что будет ставить в трех московских театрах свои пьесы), художник, скульптор.

В 1991 году в Париже я спросил у него: «Кем ты ощущаешь себя прежде всего?»

Он ответил: «Я прежде всего художник».

Я видел, как он работает. Там, в Париже, в знаменитом сквате, я был счастлив помочь ему в качестве простой физической силы – что-то поддержать, за чем-то сходить. Ни к кому другому в подмастерье я бы не пошел.

Хвост работал с крупными формами, самозабвенно и отрешенно. Он был невероятно трудоспособен. Хвост был молчалив. Абсолютно добродушен.

С теплотой отзывался о своих старых питерских друзьях Иосифе Бродском, Косте Кузьминском..., Ни о ком не говорил плохо.

Толерантность была у него в крови. А кровь, кстати, была, как это часто бывает у гениев, смешанная. Отец – полукраинец, полуеврей. Мама – полутатарка, полурусская.

У Хвоста осталось четверо детей. Двое – младших – от иностранок.

Хвоста любили все.

Умирать он не собирался. За несколько часов до смерти он написал письмо своей гражданской жене Елене Наумовне Зарецкой с просьбой приходить к нему побыстрее и принести – если можно – лекарства. Он собирался выписываться.

Врачи у него спросили: «Вам удобно?»

«Да, мне удобно. Большое спасибо». Это были последние слова Алексея Хвостенко. Через несколько часов он умер во сне. Диагноз врачей такой – сердечная недостаточность. И онкология. Онкология правого легкого. Отсюда и возникла пневмония.

Евгений Степанов

ТРУДЫ ПОЭТА

Не могу забыть рассказа Алексея Хвостенко о трудовой деятельности:

«К нам подош, л человек, назвавшийся начальником ватного цеха. Посидели. Потом он пригласил к себе в цех осмотреть помещение. Пришли к оврагу, на склоне которого этот цех был. Кругом летали, висели на суках и камнях и просто валялись ключья ваты. Внизу, на самом дне оврага, текли в противоположных направлениях два полные ватой арыка».

Другой его рассказ описывает случай на работе.

Ал, ша устроился делать мыльный раствор. Прачечная помещалась во дворе, в кирпичном строении. Часа в четыре ночи нужно было нарезать мыла, бросить в воду и включить острый пар. Через час выключить и идти домой. Однажды Ал, ша пришел домой и лег спать. Утром будят. — Иди, — говорят, — Хвостенко, на работу. — Явился. Вс, здание прачечной полно пены. Люди делали в ней ходы, словно земляные черви, чтобы попасть внутрь. Оказалось, он, покидая рабочее место, не выключил острого пара.

О возможном воздаянии за труд Ал, ша сочинил как-то ироническое четверостишие:

*Какой кошмар — жена сказала Бекет —
Когда поэта премируют лепет,
А я скажу: поэт — не вечный мобиль
И пусть ему воздаст живущий Нобель*

Анри Волохонский**БИТНИК...**

Итак: А.Л.Хвостенко /граф Хвостов/, сын Льва Васильевича Хвостенко, 1940 года рождения, учился вместе со мной в английской школе. Классом ниже. Преподавали: И.Н.Гилинский, Л.В.Хвостенко — литературу Англии и Соединенных Штатов Америки. Хвоста не помню. Помню — папу /см. «Пять пойманных шпионов»/. Но тоже где-то около учился. В одном классе с Черкасовым /сыном Черкасова/, полагаю. Закончил ли? Сомнительно. Что-то я слышал, будто выгнали. Школа наша была самой английской в СССР. Давали по 10 часов языка в неделю. Преподавали анатомию и географию — по аглицки. Корни абсурда. Анатомию преподавал Николай Николаевич Бенуа — из семьи Бенуа. Тесное общение с закордоньем. Начиная с авианосца «Аполло» — 1956? До этого иностранцев не видели. Воспитывались на Edgar Allan Poe, Амбруазе Бирсе /незаконно/ и Шарльзе Диккенсе /по программе/. Шарлотта Бронт, , Джейн Эйр — «the quantity was small, but the quality was bad» — по сю помню цитату о школьной каше. Той же овсянкой кормили Хвоста. Здание школы размещалось на Фонтанке, рядом с митрополичьими палатами, в здании бывшего коммерческого собрания. В актовом зале отпевали Есенина — литературные традиции. Директор Федор Иванович был дипломатом — бывший атташе в Японии, друг Рихарда Зорге, уволенный за пьянку — традиции алкоголизма. Школа была сугубо мужская, до самого победного конца — отсюда у меня, вероятно, male chauvinism — по определению местных /американских/ лесбиянок. И отсутствие дамской поэзии в данной антологии. Воспитание определяет. И я, и Хвост принадлежим одновременно к: битникам, хиппи, angry young men, поп-арту, доре-арту, школе абсурда и т.д...

К сему добавить: ПОЭТ / ПОП-СИНГЕР / ХУДОЖНИК-ГРАФИК / ДРУГ АНРИ / В ДЖИНСАХ / В ОЧКАХ?/ ГЕНИЙ НЕСЕРЬЕЗНОСТИ / ЗАБЬЕМ КОСЯК / ИЗДАТЕЛЬ-СОРЕДАКТОР «ЭХА» С МАРАМЗИНЫМ / НЕШТЯК

О ПЕСНЯХ А.ВОЛОХОНСКОГО И А.ХВОСТЕНКО

...сидели мы у ведьмы кари унковой, алейников меня туда приволок, значит, это было в лето отъ рождества Христова 1970 какое-то, поскольку лето было питейное, всего не упомянешь, занесло нас на лесной по этому

же делу, а там уже сидел анри. хвоста не упомяну, скорее, его не было, но ведь кто-то же пел, провожали кого-то, полагаю, что в салехард, там к тому времени был уже стоянович с украденными у меня шемакинскими штанами и эрлевским томиком хвоста, который — томик — потом к хвосту и вернулся, но был потом кем-то снова украден, сидели мы в первом этаже, в полуподвале, вдоль задней стены шел коридор, и там был телефон — а был ли хвостенко я не знаю, но было пение, пелось: на суд, на суд полковники идут, пелся потоп и мы с анри говорили о каббалистике, потом анри звонил домой и извинялся перед женой что сразу не может приехать, я пожалел его: он такой маленький, а жены у него всегда такие большие и всегда много детей. хвоста я точно видел, в том ли году, или в следующем, но опять благодаря алейникову — а видел ли я его в первый раз — вот в чем вопрос, но во второй видел точно, потому что был день рождения моей пятой жены, а стало быть, 17 августа, или 16, я точно никогда не помню, в какое-то из этих чисел у меня дочь родилась, что тоже было в августе, но так ли важны даты? ведь это же не биография есенина. дата была знаменательная, и все пели, на сей раз пели: вот летит аэроплан, он несет кашгарский план, анаша, анаша, до чего ж ты хороша! анаши, естественно, тоже немножко было, но поскольку был алейников, вс, забивал алкоголь. кто-то пел на кухне, а кто-то в комнате, и на весь коммунальный двор по красной 18, а по бульвару 15 — несся мощный много-голосый рев: анаша, анаша, до чего ж ты хороша! песня, полагаю, народная, но хвост ее развил и продлил, когда получу текст, опубликую, что пелось еще, спрашивать надо не у меня, да и хвост вряд ли помнит, алейников уже уютно спал в чьей-то груди. кто был еще — не помню.

Итак, песни Хвостенко — Волохонского. Отличаются они от песен бардов, ашугов, рапсодов и менестрелей, прежде всего, культурой. Культурой слова и культурой музыки. В феврале 73 года художник А.Б.Иванов положил на барочные мотивы написанную мною при нем /и с ним/ книгу «Гратис». Тексты, написанные слэнгом и корявым языком итээров прелагались на хоральные мелодии. Требовалась лютня. Цитру мы нашли у художника-ювелира Калягина /который хотел бежать в Швецию, замаскировавшись под льдину во время ледохода на Неве, каковым планом поделился с Шемякиным, откуда и сведения/. Но цитра была нам без надобности. Устроилось Гелием Донским публичное чтение моей «Вавилонской башни» с музыкальными интермедиями А.Б.Иванова в научной лаборатории, но в последний момент выступление запретили, и оно было перенесено ко мне домой. С дюжины итээров содрали 20 рублей и немедленно кто-то был отряжен за коньяком. Коньяк итээрам не предлагался, пили исполнители, между ними стоял плакат вечера, выполненный Ивановым. Плакат, полагаю, у Нусберга. Чтение «Башни» на 8-ми языках перебивалось интермедиями из «Гратиса». Итээрия сидела молча, не понимая ни слова. Расхворались оболваненные, с чувством, что их жестоко оскорбили, только как — непонятно. Тоже воздействие на советскую публику производят и песни Хвостенко-Волохонского. Баховские хоралы, «Орландины» Шамиссо перебивающиеся «Хочу лежать с любимой рядом, / Смотреть в глаза ей нежным взглядом, / Хочу лежать с любимой рядом, / А на работу не хочу. / Пускай работает рабочий, / И нерабочий, если хочет, / Пускай работает, кто хочет, / А я работать не хочу. / Хочу лежать с любимой рядом...» — и т.д. Это последнее так оболванивает советского слушателя, что он безропотно проглатывает и имя Господне и Баха, и даже не замечает, что это он проглотил. Вот это и есть Хвост — Волохонский. Ежовые рукавицы эстетического абсурда. А не акмеизм Кушнера.

Константин Кузьминский

(перепечатано из антологии «У голубой лагуны», том 2А)

ГОБЕЛЕН

С.Есяну

Мы тронулись рассказа следом,
 где в бочку солнца деготь м, да
 запечатлен. Где повесть о былом
 лежит роскошным пирогом
 и просится быть съеденной.
 Дитя романа в ручке золотой
 краюху торта держит. Слуги
 медного дворца льют каменную воду
 драгоценных слов в кувшины вымысла.
 На псарне
 охоты музыка изваяна трубой,
 и зайчим полем
 несется мысль, прикованная басней
 к траве воспоминаний. Тополь
 из стороны восточной смотрится букашкой
 с алмазным крылышком. Букашка
 на вышитом букете ниже бисер
 буковок, и шепот дифирамба
 готов сорваться с губ пятнистой твари,
 что по слогам читает тело госпожи.
 Сквозь платье
 видна долина, озеро,
 заросшее съедобным серебром растений,
 и облако с крылом дракона, ниже
 из пасти льется ядовитый сок,
 но чашу для нектара держит мальчик,
 и сонная отравы
 вином любви коснется приоткрытых губ.
 Ум спотыкается. Воображение
 готово следовать игле ткачихи,
 дракон вс, выше стелется над пашней
 и жаворонком тонкой мысли
 высвистывает утра пламенный колпак.
 Над бездной
 нас ангел задержал движением руки,
 и крохотные сосны у ног его
 в звенящем зное пепельного лета
 растворились. Дивный воздух
 сквозь золотую нить мерцает садом
 плодов возвышенных, на каждом лепестке
 небесная жемчужина круглится
 и плавится на алтаре цветка.
 Спустиась долину,
 мы не заметили, как солнце опустилось
 на крышу замка, голубые тени
 расположились между строк поэмы,
 что звонким голосом наперсница прелестной
 читает не спеша. Нарядный мавр
 косит на нас белком, облокотившись
 на изукрашенный роскошными камнями
 эфес турецкой сабли. Непонятно,
 следил ли он за изложением или,
 какой-то тайной мыслию уловлен,
 прислушивался к сладостному пенью
 читающей. Мы заглянули в книгу.
 Тонкой кистью
 художника пылающего века
 здесь был изображен пейзаж знакомый,
 только ангел
 уже не попирает ногами сосны
 и не стерег пространство за скалою,
 а прелестным жестом им овладел.
 Он медленно парил над нами
 с трубой еще молчащей, но казалось,
 что медный звук рассыпался над небом
 на хор волшебных голосов. Им зачарован

великолепный зверь арктической окраски
 лишь ждет прикосновенья губ к металлу,
 чтобы витым изображеньем рога
 нам приказать: «Туда направьте
 ток скудной мысли, где волнение
 невидимого воздуха весомо,
 где легкость камня и эфира тяжесть,
 преображаясь в неподвижность бега,
 меня соткали из припева песни,
 в котором между слов довольно воску,
 чтобы придать устойчивость постройке,
 сложившейся из шелеста и гула...»

Но шелест перевернутой страницы
 его прервал. Велеречивых
 не слышно стало слов, и только эхо
 еще догнать пыталось образ фразы,
 звучащей дробными синлабами, но слоги,
 уже не слепленные воском рассужденья,
 пульсировали медленней, срываясь
 на гул прерывистый, где только У стекало
 в пергаментную клетку переплета.

...У-у-у, — подхватили мы, и тут же ангел
 надул серебряные щеки. С треском
 захлопнулось окно на башне. Завертелся
 на тонкой спице флюгер. Ветер с моря
 качнулся плотной массой, напрягаясь
 стереть рисунок сада. Даже замок
 не устоит, казалось, под напором
 нахлынувшей стихии. В толще камня
 завывала пустота в огромный бубен
 истории. Открытые могилы
 лакали жадно ливень. Тьма и ужас
 обрушились на нас. Звенящим блеском
 светилось небо. Зв, зды, обезумев,
 стремительно неслись за горизонт...
 и мы бежали.

«Стойте! —
 послышалось за нами. — Погодите!
 Там нету выхода! Ступени оборвутся,
 упершись в стену. Ложная идея
 приблизить замкнутую меру помещенья
 к пределам мира показалась
 архитектору забавной. Таково барокко.
 Не осуждайте творца и исполнителя каприза
 предвзятой мысли. Выход нужно
 не видеть, а угадывать. Ступайте
 за мной!» — Почтенный сторож,
 прихрамывая, нас повел по залам,
 и что-то проворчал еще, захлопнув
 за нами дверь.

На Сен-Жерменском
 бульваре мы сели за столом
 ближайшего кафе, откуда начат
 был наш рассказ. Спросили кофе.
 Кальвадос нам принесли в стеклянных
 вазочках с наперсток. Щебетанье
 купавшихся в пыли проворных птичек
 вс, возвращало нас к началу темы,
 к дымящемуся кофе и кувшину
 с цветами веселых маргариток.
 А сквозь город темнеющего неба
 к нам приближался зверь арктической окраски,
 ступая на ногах полета цапли,
 чтобы напитка душу из стекла
 отправить в ночь.

ПОСЛАНИЕ В 128 СТРОК

Сереже Есаяну по получении от него «Хвоста-разносчика»

Сереженька, мой ангел, до чего ж ты щедр на выдумки, такая чертовщина могла б присниться ангелу во сне коль спят они и видят сны. Послушай: «Хвост с коробом», «Хвост с торбой».

До чего же

Хвост с ку́лем не идет Хвосту с мешком, хоть сходен куль с мешком, как плошка с чашкой, и за моей спиной вполне бы мог болтаться. Но что набыю в него? Товаром не богат приятель твой, товарищ твой веревки не свяжет, не сплетет из всей пеньки нарытой по углам, и веселится он только нитью хитроумною сплетений одной строки с другою. «Хвост с лотком» — так! В ботах кожаных, подбитых каблуками на бронзовых гвоздях, я б покатился на тот завод, где прихотью царицы сработал фартук мне служивый мастер. В цветочек он л, н одел, кафтан же покрасил, видимо, алоэ или охрой, иль киноварью, впрямь сообразуясь со вкусами помещицы, хозяйки его имущества и живота, покуда за скромный свой талант он не был оторван от родных плетней и отдан на пользу государственную. Шапкой о ту пору главы не покрывал я и пуговиц не знал, продетых в петли, чтобы скрепить одну полу с другою, как ныне, сказано, вотще соединяю метафору с сине́кдохой, а букву пишу то главною, то лыком. Вот весь товар мой. Впрочем и он и я, он или я, и тот и этот могли б назваться именем любым: он — Илия, а я не Илия, иль я — Илья, а он пускай — Прокопии. Не вижу разницы, пусть оба мы Прокопии, иль Пи'и. Два Адама стоят пред нами глоссами сознанья своей причастности иному бытию, как два хвоста двух змеев двуголовых, переплетаясь мыслью живописца по маргинальным линиям судьбы иль рукописи древней. Видишь, милый, куда нас привело полезнейшее сходство, открытое тобой в ученых бденьях. Я же переносясь в век позапрошлый, вижу что образ наш был, видимо, известен и ранее, и на Руси просторной в сознании народном укрепился как тип праздношатающегося духа торговли, а может быть обмана, что несомненно ближе усвоенному нами ремеслу. Из-под бровей нависших не без лукавства смотрим мы на мир оседлый ушлых горожан, и барский стоящий на отшибе двор. В за́не уж побывал наш брат-разносчик, правя баки доверчивым холопам детской сказкой о Индии немислимых дарах, китайском шелке, золоте лионском, об африканских мавраx, носорогах,

слонаx диковинных и птицах, несущих изумрудные каменья из недр своей страны на побережье в ужасных клювах. Зеркало кривое покажешь умнику — и впряме развлекаться его испугом. Почва для рассказа уж подготовлена. Вяжи солому вымыслов и басен, как умеешь, иль как обучен спившимся дьячком, что дядькой приходился твоей тетке, на чьих хлебах ты вырос. Почему тебя избрал он для своей науки? Какую пользу видел, наблюдая растущее в тебе со мною сходство? Уж не за то ли, что ловок ты был в теткин глубокий погреб незаметно слазить за пузырем зеленого вина или в кабаk слетать всегда готов был. И просьбой или хитрым убеждением вернуться с четвертью? Тебя хвалили гости Никифора, но т, тка не в ладах была с ученьем, и однажды ты выгнан был взашей со двора. С тех пор одна привычка у нас с тобою развивалась: мигом соображать, откуда ветер дует, откуда слог берется для затравки иль кредита и откуда удобнее с разгона через стену перемахнуть, что волка лапы кормят, а уши — сочинителя, что утки, гуси, аисты, артисты не зимуют там, где вс, лето нежились. Вс, это открылось нам совсем не незаметно, а долгим опытом и длинною дорогой. Потому-то нам ночи были коротки сидеть за книгой. Утро, чуть только наступало, тут же уж за́ полдень клонилось к вечеру, и месяц чуть на небо взошел — и году крышка. А вместо панегирика читаем: «Спи спокойно...». Сплю спокойно, теперь я сплю спокойно после пары отменных сотен лет, как в охлажденном виде я вынут был из печки. Обжиг построен был на крепости сознанья, что образина удалась. Ну что же! — не мне печалиться, что не владею вещью. Я сам себе музей, ты — мой хранитель. Я — экспонат, а ты — источник света, я наг рожден, ты дал мне китель, одел в сукно, рядом. За милость эту тебя люблю. Сереженька, навеки я твой должник. И что разносчик — согласен! До скончанья света! Несть радости приятней чем нести на крыльях дружбы сети вдохновенья. Я хладен был, ты подарил волнение моей душе. Ты вызвал к жизни ток! Ты видишь результат — 128 строк!

23 января 1991

(Публикация подготовлена **Анри Волохонским**)

Пушкинская, 10; 21 ноября 2004 года, вопросы задает Сергей Ковальский

- СК** Алексей Львович, расскажите, пожалуйста, как начиналась Ваша творческая жизнь в России.
- АХ** Ну, это довольно трудно вспомнить, потому что так давно вс, это начиналось...
- СК** Основные вехи.
- АХ** Я начал писать стихи в очень нежном возрасте, лет в шестнадцать примерно, но потом я все эти стихи уничтожил, потому что они показались мне недостаточно совершенными, чтобы оставить, так же я поступил со многими картинами, которые я делал в то время.
- СК** Картины тоже в шестнадцать лет писались?
- АХ** Да, в шестнадцать – восемнадцать. Стиль, в котором я работаю, называется **геореализм**. Геореализм – это идет от земли и одновременно – геометрии. Абсолютного порядка и покоя. А земля – это и хаос, и распад.
- СК** А пришлось академически учиться, в школе, академиях?
- АХ** Я учился очень немного, учился один год в училище Мухиной и один год в театральном институте у покойного Николая Павловича Акимова.
- СК** Очень важно, это целая школа – Акимовская. Кто оттуда вышел?
- АХ** Конечно. Там учились в то время Михнов-Войтенко, Целков, Кулаков.
- СК** А чего уш, л, или выгнали?
- АХ** Нет, просто мне скучно было.
- СК** Что дальше?
- АХ** А дальше...дальше я эмигрировал.
- СК** В каком году?
- АХ** В семьдесят седьмом. Я эмигрировал, ты понимаешь, по каким обстоятельствам, здесь совершенно невозможно было тогда ни выставляться, ни концерты делать.
- СК** Это такой серьезный момент – взять и обрезать, и поехать неизвестно куда. Что тебя довело до этого? Или тебе просто предложили?
- АХ** Нет, я сам попросил, не то чтобы попросил – мне прислали приглашение из Израиля и я по нему уехал. Но в Израиль не собирался ехать, а собирался ехать в Америку, но мои друзья пригласили меня в Париж, навестить их в Париже. Приехав туда, я так был очарован этим городом, что у меня сразу возникла мысль: а не остаться ли там вообще навсегда? А тут к тому же мне предложили редактировать литературный русский журнал «Эхо», который мы потом вдво, м с Марамзиным в течение многих лет выпускали. Печатали, в основном, материалы, которые здесь в России при Советском Союзе невозможно было печатать. Потом журнал закрылся, поскольку необходимость в такого рода деятельности исчезла...
- АХ** В Америке я жил довольно много. Организовал там Фестиваль русского визуального искусства, тогда это был первый фестиваль.
- СК** Это какие годы?
- СК** Семьдесят восьмой год. Там я показал свою пьесу «Запасной выход» и, кроме того, участвовал в выставке художников нон-конформистов из России.
- АХ** Где и какой состав у не, был, если помнишь?
- АХ** Я не помню сейчас точно состав. Там был Юрий Галецкий, кто ещ, – не помню сейчас точно. Не все были мои знакомые. Там были художники и музыканты, кстати сказать. Толя Герасимов – знакомый мне человек, а было много незнакомых музыкантов. Русских. И совершенно неожиданно для меня – оказались хорошими музыкантами. В Нью-Йорке очень нравилось жить, я однажды там провел целый год, снял в Джерси-Сити (не в самом Нью-Йорке, а напротив Нью-Йорка) мастерскую и целый год работал, сделал большую выставку скульптур. Сейчас у меня большая проблема с этой выставкой, потому что скульптуры как-то надо переправить сюда, а как это сделать – ума не приложу. Скульптурой, в основном, занимаюсь в последнее время, если говорить о моих профессиональных претензиях. Скульптурой зарабатываю себе на жизнь.
- СК** Покупают?
- АХ** Покупают, да.
- СК** В Америке?
- АХ** В Америке. И во Франции. Во Франции – меньше всего, кстати, не знаю, почему так получается. Одно время дела шли неплохо, был какой-то бум, это был конец восьмидесятых годов...
- СК** 90 – 91-ый, на Пушкинской тоже был бум.
- АХ** Да, 91-й, а потом пошло вс, ниже и ниже...
- АХ** Это важно, что я из России, но вс, равно в каком-то смысле должен считать себя французским художником, потому что мо, основное становление произошло во Франции, во Франции я стал заниматься скульптурой и совершенствовался в ней тоже во Франции. А вообще-то, конечно, я – русский художник.
- СК** Ну, а где тебе теплее было жить и работать – во Франции или Америке?
- АХ** Трудно сказать, мне везде хорошо, честно говоря, где есть мастерская для работы и возможность трудиться.
- СК** Языковой барьер не мешает общаться?
- АХ** Мне не мешает, я знаю английский язык довольно прилично, а что касается общения, то оно, вообще, художнику ни так уж и нужно.
- СК** Америка повлияла на тебя?
- АХ** Повлияла, конечно. В том смысле, что я использовал американские материалы, в первую очередь – затонувшее дерево, которое собирал на Брайтон-бич, нет, Файер-бич, и Америка показала мне какие-то причудливые стороны существования...
- СК** Расскажи, пожалуйста, про знаменитый сквот, который был в Париже.
- АХ** Я был во многих сквотах.
- СК** Ну, примерно, когда Юра Гуров наезжал.
- АХ** Это был сквот на улице Жюльет Додю, он просуществовал года четыре и превратился в чисто русский сквот. Французы все оттуда слиняли, испугавшись репрессий, которые устроили хозяева, а хозяева направили туда стражников с собаками.
- СК** Это был жилой дом или промышленное здание?
- АХ** Фабрика. В конце концов мы победили, нам отдали ключи от ворот и сказали: ладно, живите, но перед этим разбили ст, кла, электричество, слава Богу, не сумели разрушить, электричество мы добывали нелегально, пиратским образом.
- СК** Сколько там было жильцов?
- АХ** Поначалу – человек 10-12, потом там кроме русских появились разные другие персонажи, в общей сложности получилось человек 20. Но они вс, испортили. Мы жили открытой коммунаой, у нас пространство было открыто, а они построили какие-то стенки и черт знает что.
- СК** А как вс, закончилось? Вс, -таки выгнали?
- АХ** Выгнали... Потом я официально снимал мастерскую, где организовал Русский клуб, создал маленький камерный театр – по четвергам мы устраивали музыкальные вечера под названием «открытый микрофон», кроме того, к нам приезжало много артистов из России с выступлениями. Выставки всякие устраивали, кстати, «митьки» у нас выставлялись, нет, не «митьки», а Митя Шагин.
- СК** А вот Ассоциация русских художников имеет официальный статус во Франции?
- АХ** Да, конечно, зарегистрирована.
- СК** И какое поле е, деятельности?
- АХ** Помогать е, членам в первую очередь.
- СК** Каким образом?
- АХ** Материально и психологически.
- СК** А как вы могли помогать, у вас самих денег не было?
- АХ** Иногда бывали.
- СК** Откуда? Во Франции вряд ли кто-то помогал русской ассоциации.
- АХ** Мне Нечаев однажды дал помощь на поездку в Россию.
- СК** А где взял Нечаев?
- АХ** Не знаю.
- СК** Гранты, возможно, какие-то удавалось получать?
- АХ** Гранты, да. Я был вице-президентом ассоциации, а он – президент. Я – президент другой организации: Симпозион, которая вообще не имеет никаких денег, но приглашения мы имели право посылать разным людям.
- СК** А сейчас ты вернулся в Россию, слава Богу, часто бываешь, где твой дом, можешь сказать?
- АХ** На этот вопрос довольно трудно ответить. Формально мой дом в Париже, конечно.
- СК** Ну, а по сердцу?
- АХ** По сердцу – не знаю. Я всегда считал: родина художника там, где его мастерская, но так как сейчас у меня мастерской нет ника-кой, так что я не знаю – есть ли у меня родина. Сейчас ишу себе мастерскую, вс, зависит от того, где е, найду, там и моя родина будет.
- СК** Алексей, скажи, как ты считаешь, ты сумел полностью реализоваться как художник?
- АХ** Мне кажется, что – да.
- СК** А в том, что ты ещ, делаешь: пишешь стихи, пьесы, поешь, занимаешься скульптурой?
- АХ** Да. Французы называют это – «в комплекте».
- СК** И Запад тебе в этом помог?
- АХ** Разумеется, да... Здесь я просто бы сдох, честно, потому что торчал на наркотиках, пил, как сумасшедший, если не торчал. А переехав на Запад, резко бросил наркотики, пить я ещ, продолжал какое-то время, потом перестал, стал пить только вино, красное.
- АХ** Музейные коллекции есть, которые содержат мои работы, прежде всего – Нортон Доджа в Америке и некоторые провинциальные музеи Франции, но, в основном, – мои работы в частных коллекциях.
- СК** Сейчас у тебя мысль, как возратить твои работы из Америки? Ты ведешь активную выставочную деятельность: выставка в Зверевском центре, ещ, будут выставки...
- АХ** Я хочу, чтобы мои русские друзья и вообще русские люди увидели мои работы, поэтому попытаюсь сделать вс, возможное, чтобы их сюда доставить.
- СК** Может, это от того, что в России глубже понимают тво, творчество?
- АХ** Наверное, да.
- СК** Ни французы, ни американцы не догоняют?
- АХ** Пожалуй, да.
- АХ** Мне нравится, что сейчас делается в России, мне кажется – Россия сдвинулась с м, ртвой точки и то, что сейчас происходит в искусстве – совсем другое, чем было.
- СК** Ну, по отношению к Западу – отставание, опережение? Или совсем другое?
- АХ** По-моему, совсем другое, из ряда вон выходящее, непохожее ни на то, что раньше делалось в России или теперь происходит на Западе. Вот, например, Гаврильчик тот же самый – на Западе не увидит таких.
- СК** А из молодых? Скажем, ты прошелся по экспозиции в Манеже – тебе что-нибудь легло на душу?
- АХ** Там были интересные работы, но дело в том, что я не читал надписи.
- СК** Не обязательно называть имена. В принципе, что-то было?
- АХ** Было.

И когда дробятся скалы,
Ворон кружится удалый,
А волны струится свет
Не забудь: ведь счастья нет
Уходя в покой предвечный
Алчи вечной красоты.
Хоть и время бесконечно
Можешь не найти мечты.
Если друг тебя обманет
Ты не плачь и не грусти;
Б – мягче будь и легче станет
Если мягок будешь ты
В общем дело наше худо
Ухожу... Что ж... Кем-то буду.
1971

Должно быть странно с непривычки,
пока ты сам не испытал,
что я лежу в психиатричке,
а меня лечит – коновал.

Весь персонал – одни подлюки,
больные частью – сволота,
и подыхаю я от скуки
и страшна эта скукота.

Все говорят: невроз, лекарства
аминазин, мелипрамин,
я будто в сумасшедшем царстве
и надо мной довлеет сплин.

Я от депрессии спасаюсь
в игре, в стихах и в табаке.
Я без свободы задыхаюсь:
она ведь так невдалеке!

Спасибо родине, народу
и лично Леньке Ильичу
за эти человеко-годы,
что тихо канули в мочу.

Спасибо ленинцам-марксистам,
где моет вор руку вора,
спасибо блядям коммунистам
и нашей партии – ура!

ПЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

Ивану Ахметьеву

1

Все люди умирают, друг,
но человек обязан жить
и, проходя за кругом круг,
он должен жизнью дорожить.
Хотя, скажу наоборот,
что все прекрасно знают –
ведь человечество живет,
а люди – умирают.

2

Старайся людям не вредить,
смотри на все с оглядкой,
и опасайся наступить
ты ближнему на пятку.
А он, конечно, все поймет,
но никогда не сглупит:
с дороги он не отойдет
и места не уступит.
Ему, да пропускать, кого?
Он знает свое право,
пока за шиворот его
не кинешь ты в канаву.

3

Однако, средь таких делов
старайся ты немало,
чтоб человечество жило,
цвело и не увяло.
Хотя, ведь тоже, что за труд,
напрасные старанья...
Цивилизацию уж ждут
регресс и увяданье.

4

Но должен ты не быть свиньей,
а если быть – то в меру.
И случай в общем-то простой
могу привести к примеру.
Ну, скажем, у тебя в душе...
с нуждой бывали кошки,
и просто хочется уже
наклюкаться немножко.
Так ты забудь о том навек,
иди решать кроссворды.
И свято помни: ЧЕЛОВЕК –
звучит. И даже – гордо.

5

Но все же не об этом речь,
что каждому известно.
Вот знанья. Надо их беречь
и умножать всеместно.
Вот тут пасую я, топ шер,
хоть я и раб желудка:
без знаний не было б химер,
безделья, предрассудков.
Ну, а без них? Куда без них?
Вот и живи беспечно...
Однако, я кончаю стих,
ведь жизнь моя – не вечна.

ВЕЧЕР

Не рекламируют рекламы,
не фонтанируют фонтаны,
и люди, словно обезьяны,
несут бананов килограммы.

Не обрести душе покоя,
и смертный призрак покой.
Должно быть я ее не стою,
но каждый миг она со мной.

Она со мною, как ребенок,
и чистый взгляд не отведет
от глаз моих, где лжи так тонок
лукавый масляный налет.

Она мне верит, словно богу,
людскому не предаст суду,
подскажет легкую дорогу
за это ей гореть в аду.

Познав начала и концы,
в дремоту погружен,
сидит великий Лао-цзы
вдали от всех времен.
Он чайкой легкою парит,
не ведая свинца,
и безмятежный свет горит
на зеркале лица.
Он юркой рыбкой золотой
в воде скользит, кружит.
Опушенный крючок стальной
над ним как меч блестит.
Он ланью мчит по лугам,
не смяв цветов и трав,
он обойдет любой капкан,
об этом не узнав.
Когда ж свой облик обретет,
пойдет ... задумчив вид,
о жердь споткнется, разобьет
коленку, но смолчит.

1978

ВЫХОДНОЙ

«Начинаем передачу» –
звонкий клин меж сном и явью.
Свет в глаза и в сердце холод.
Запах кухни. Шум дождя.
Непривычный час означил
циферблат, и время вправе
заморить духовный голод,
раз в неделю снизойдя.

Перед завтраком-обедом,
после нежностей взаимных,
позапрошлую газету
тоже стоит почитать:
кто обуты, кто раздеты,
где прижимисты режимы,
незнакомого поэта
юбилей, хоккейный матч.

За стеною клокотанье –
наш сосед опять в загуле:
у него нет синекуры –
есть с женою нелады.
Непонятное старанье:
кое-как концы стянули.
Не клевали б денег куры.
Хлеб, портвейн вместо воды.

Книг сомкнутые шеренги,
как бывалые солдаты:
Чосер. Бернс. Петроний. Келлер.
Глянец всех цветов горит.
Суперум за суперденьги.
Неподкупные баллады.
Кто карман, кто душу греет,
кто тщеславие бодрит.

Два звонка – отбыл повинность:
«Не приедете? Как жалко.»
(Не поедешь – ждет уборка.)
Славь находчивость свою,
воплощенную невинность:
«Ветрено, дождливо, марко».
Что в программе – полфутбола,
репортажи, интервью,

песни рыжего француза.
Разрушающая осень.
Созидающая память
не пропустит ничего:
отдан долг, но крепки узы,
и прощения не просит
неразумный в сердце камень –
надо бы простить его...

Я был спокоен. Черта с-два!
Нет, не был я спокоен.
Ходила кругом голова
и мир был неустроен.

Я внешне вид имел такой
смешливый, равнодушный...
Но горечь цепкою рукой
жгла горло до удушья.

Конечно, проще накричать –
к чему душе отраве...
Но если право есть – молчать,
а возражать – нет права?

Ах, право, как же все старо –
радушен будь для виду.
Есть долг – ответить на добро,
нет долга – на обиду.

...А человек в окно, грустя,
смотрел, не отрывался.

Он целиком купил тебя,
когда ты в нем нуждался.

Справка об авторах составлена в виде ответа на анкету: 1. дата рождения. 2. образование. 3. принадлежность к творческим союзам, организациям и объединениям. 4. творческое кредо. 5. публикации (выборочно). 6. книги

ПОЛИНА АНДРУКОВИЧ

1. рождения 27 ф. 1969;
2. окончила худфак ВГИК'а.
3. член Творческого Союза Художников России;
5. публикации: альманах «Вавилон» и альманахи лит. клуба «Авторник»;
6. «Меньше на один голос», стихи (Арго-риск, 2004).

ИВАН АХМЕТЬЕВ

1. Родился в 1950 г. в Москве.
2. Окончил физфак МГУ.
5. «Черновик», «Новый мир», «Октябрь», «Авторник», «Время и мы», «Арион», НЛО, «Грааль» и др.
6. Автор книг: «Миниаторы» (Мюнхен, 1990), «Стихи и только стихи» (М., 1993), «Девять лет» (М., 2001).

НИКОЛАЙ БАЙТОВ

1. 23 мая 1951.
2. Окончил МИЭМ.
3. К творческим союзам не принадлежу. Являюсь членом Пэн-клуба.
4. Творческих предпочтений нет.
5. Стихи – в журналах и антологиях.
6. «Равновесия разногласий» (стихи), 1990; «Прошлое в умозрениях и документах» (проза), 1998; «Времена года» (стихи), 2001.

БОРИС БЕРКОВИЧ

1. Родился в 1960 г. в Ленинграде. С 1990 г. живет в Израиле.
5. Публикации в антологии «Поздние петербуржцы», журналах «Часы», «Обводный канал» и др.
6. «Стихотворения» (изд-во ВМКЦ, М., 1990).

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

1. 6 марта 1947, Ленинград.
2. Окончила филологический факультет ЛГУ.
3. Действительный член Академии Русского стиха, член СП СПб.
5. Публикации в журналах и антологиях.
6. Автор шести стихотворных книг.

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

1. Родился 19 марта 1936г. в Ленинграде. В 1974г. эмигрировал в Израиль, позднее переселился в Мюнхен. Сейчас живет в Тюбингене.
2. Окончил Химико-фармацевтический институт. Изучал труды отцов христианской церкви и каббалу.
3. Вместе с А.Хвостенко входил в литературную группу «Верпа». Член международной Академии русского стиха.
5. Печатался во всех крупных русских эмигрантских журналах: «Эхо», «Континент», «22», «Гносис», «Вестник РХД», «Синтаксис», «Беседа» и др.
6. Выпустил несколько книг стихов и прозы.

КАРЛ ВОЛЬФ

2. Окончил Тюбингенский университет. Живет в Мюнстере.
3. Поэт.
6. Автор нескольких поэтических книг.

ЮРИЙ ГАЛЕЦКИЙ

1. Родился в Ленинграде 18 ноября 1954года.
2. Самообразование.
3. Нигде не состоял.
4. Чань-клоунада под нетрезвые распевы вишневских пастухов.
5. «Голос», «Часы», «Эос», «Митин журнал», «Обводный канал», «Сумерки» и др.
6. В самиздате – от середины семидесятых – полсотни книг и сборников стихотворений.

АЛЕКСАНДР ГАЛЬПЕР

1. 4 марта 1971 г. в Киеве. В Нью-Йорке с 1990 г.
2. Окончил литературное отделение Бруклинского колледжа, учился в аспирантуре нью-йоркского Сити колледжа.
3. Основатель лит. журнала «Членский».
4. «Мозги к стене!»
5. В журналах «Кожа», «Магазинник», «Членский», «Футурум Арт», а также в сетевом журнале «Топос».
6. «Рыбный день / Fish De Jour» (Koja Press, Нью-Йорк, 2003 г.).

НИКОЛАЙ ГОЛЬ

1. 1952.
2. ЛГИК им.Крупской.
3. член Союза писателей Санкт-Петербурга.
4. по возможности, не впадать в тоску.
5. есть такое дело
6. книги – некоторое количество.

ТАТЬЯНА ГРАУЗ

1. 4 октября...
2. окончила – 1 Московский медицинский институт и ГИТИС (факультет театроведения).
3. Московский союз литераторов (МОЛ).
5. «Комментарии» (Москва), «Черновик»(Нью-Йорк), «Рефлект» (Чикаго), «Футурум-арт» (Москва) и др.
6. «Дни поминовения» – совместно с Д. Авалиани (его листоверти) и сверстанные, но не изданные книги: «Они прозрачнее неба» и «Солнечный бредень».

НИКОЛАЙ ГРИЦАНЧУК

1. 6 февраля 1957 года.
2. Образование техническое.
3. Московское отделение Союза литераторов России.
4. Развитие идей и практик междисциплинарного искусства – в широком смысле, снятие противоположностей и противоречий между идеальным и реальным, взаимовлияние, взаимопроникновение, образующих единый синкретический объем, наук и искусства.
5. Альманах «Черновик»; журнал «Футурум Арт»
6. «Просто просто», «Он же он же», «Или а», «Из» (стихи. – М. . . ЛИА Р. Элинина, 2002.)

ФЕЛИКС ДАВЕЛЬМАН

1. Родился в 1974 году в Одессе.
2. По образованию – врач.
5. В журналах «Пли!» и «Магазинник», худ. газете «вы да вы».

АЛЕКСЕЙ ДАЕН

1. Родился в 1972 г. в Киеве, жил в Москве, с 1994г. – в Нью-Йорке.
2. Прозаик, поэт, публицист, переводчик.
3. Редактор «Членского Журнала», член редколлегии издательства «Cross-Cultural Communications».
5. «День Литературы», «Членский Журнал», «Черновик», «Побережье», «Родомысл», «Магазинник», «Сетевая Поэзия», «24 Июня», «Озарение», «Лавка Языков», «Заповедник», «Полутона», «Периферия», «Голос», «Порт-Фолио», «Русский Глобус», «Young Street Review» и др.
6. Автор поэтических сборников: «Бестиарий» (1993, Москва), «Город Вертикальный. Стихи: 1994 – 2003» (2003, Нью-Йорк) и др. и книги прозы «Город Вертикальный». (2003, Новокузнецк) и др.

ЛЕОНИД ДРОЗНЕР

1. Родился в Харькове в 1973. С 1994 живет в Нью-Йорке.
5. Публикации: «Союз Писателей», «Вавилон», «Митин журнал», «Комментарии», «Черновик», «Магазинник».
6. Автор сборника стихов «Эдисон в раю».

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

1. 29 октября 1947, г. Волхов.
2. Посещал ЛИТО «Нарвская застава», входил в группу поэтов «НАСТ». Член Союза писателей СПб.
5. Публикации в журналах Сумерки, НЛО, Петрополь, Черновик и др.
6. Книги: Неверный угол (СПб, Юность, 1993), Последние книги (СПб, Канон, 1999), Слегка чуть-чуть и кое-где (СПб, Борей, 2000).

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

1. 16 апреля 1940
2. пара незаконченных высших (биофак и театральные) и лит. профессура (техасский ун-т)
3. анархист, членом не состоял
4. кредо: «всех на!»
5. самиздат – и по сю, не считая журналов-газет (свыше ста)
6. 9 томов антологии «у голубой лагуны», не считая брошюр (тож свыше ста)

СВЕТА ЛИТВАК

1. Родилась в г.Коврове, с начала 80-х живет в Москве.
2. Окончила Ивановское художественное училище.
3. Член Союза писателей Москвы.
5. Постоянный автор журналов «Знамя» и Арион».
6. Автор двух поэтических книг: «Разноцветные прозаики» (92) и «Песни ученика» (94), а также прозаической «Мое путешествие на Восток» (98), книги эротической прозы и поэзии «Это-любовь» (02).

МИХАИЛ МАГАЗИННИК

1. Родился в 1971 году в Киеве.
2. Психолог по образованию.
3. Один из основателей нью-йоркского издательства «Koja Press», член редколлегии журнала «Магазинник».
5. В журналах «Кожа», «Магазинник», «Blackbox», худ. газете «вы да вы»
6. «ПУСК ПОП» (Koja Press, 2001 г.), «poodles smoodles» (Koja Press, 2004 г.)

АРСЕН МИРЗАЕВ

1. Родился в 1960 году в Ленинграде (СПб.).
2. Учился в ЛГИ, ЛЭИСе и Свободном Университете (мастерская поэзии).
3. С 1989-го по 1995 год принимал участие в издании журнала «Сумерки». Член редколлегии московских журналов «Футурум Арт» и «Дети РА».
5. Публикации в журналах и антологиях.
6. Автор нескольких поэтических сборников.

ВАЛЕРИЙ МИШИН

1. 14 января 1939, Симферополь.
2. Окончил живописный ф-т ЛВХПУ им. Мухомовой.
3. В 1965–70 посещал ЛИТО при газете «Смена», в 1968–70 – ЛИТО Т. Гнедич в г. Пушкине.
5. Печатался в газетах и журналах.
6. Издано шесть книг.

НАТАЛЬЯ ОСИПОВА

1. Родилась в 1958 г. Живет в Москве.
2. По образованию психолог.
3. Публикации в альманахе «Авторник», антологии «Время ч!» и др.
4. Автор книги «Несколько рассказов и стихотворений» (2001).

ИГОРЬ САТАНОВСКИЙ

1. 22/10/1969 в Киеве. В Нью-Йорке с 1989 г.
2. Учился в Киевском инженерно-строительном институте, окончил художественное отделение Бруклинского колледжа.
3. Один из основателей нью-йоркского издательства «Koja Press», член редколлегии журнала «Магазинник». В 1997–2001 гг. курировал карибско-американский поэтический проект «The Rush-Ins Poetry Project» в южной Флориде.
4. «О да!»
5. В журналах «Зеркало» (Израиль), «Магазинник» и «Кожа» (США), «Opera Speciale» (Италия), «lit(e)riЧЕ» и «Футурум Арт» (Россия), нескольких американских журналах и антологиях.
6. «Атавизмы» (1994), «american poetry (free and how)» (2001), «Сатановский» (2002).

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

1. Родился 5 июня 1964 года в Москве.
2. Высшее гуманитарное.
3. Член Союза писателей Москвы.
4. Понял это то, что нельзя пересказать прозой.
5. Публиковался в журналах и альманахах.
6. Книги: «Упала пила» (М., 1991), «Здесь там» (М., 1992), «Глаза – два фотоаппарата» (М., 2002), «Разные жанры жары» (М., 2004).

СЕРГЕЙ ТРОФИМОВ

1. 1953 – 1979. Жил в Москве. Покончил с собой.
5. Первая и единственная публикация – в «Самиздате века».

АЛЕКСЕЙ ХВОСТЕНКО

1. Родился 14 ноября 1940 г. в Свердловске, умер 1 декабря 2004 г. в Москве.
2. С 1947 до 1968г. жил в Ленинграде. Учился в ЛВХПУ им. Мухомовой и Театральном ин-те. С 1968 по 1977г. работал в Москве. В 1977г. эмигрировал на Запад (Париж).
3. Соредатор литературного журнала «ЭХО», член «Performing rights, LTD» – ассоциации писателей и музыкантов, вице-президент Ассоциации русских художников в Париже.
5. Многочисленные публикации в журналах, альманахах и антологиях в России и за рубежом.
6. Сборники стихов «Le successeur» и «Поэма Эпиграфов» (изд-во «Синтаксис», 1985); «10 стихотворений Верпы» (изд-во «Vivrisme», Париж, 1987) сборник стихов «Продолжение» (изд-во «Новый город», СПб, 1995); сборник стихов «Институт Верпы. Верпования» (изд-во «Джуджетта и джуди», Нью-Йорк, 2000); сборник стихов «Колесо времени» (изд-во «Ateneum», СПб, 2001); публикация текстов песен «Берлога пчел», в соавторстве с А. Волохонским (изд-во «Kolonna Publications», Москва, 2004). В книге приведена подробная дискография песен А. Хвостенко и А. Волохонского.

ДМИТРИЙ ЧЕРНЫШЕВ

1. Родился в 1963 г.
5. Стихи публиковались в «Антологии русского верлибра» и антологии «Очень короткие Тексты».
6. Автор четырех поэтических книг.

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ

1. 28 января 1936, Ленинград.
2. Высшее: врач, экспериментатор.
3. Клуб русских писателей в Нью-Йорке. До 1980 г. – Союз Писателей.
4. Искусство как излом.
5. Публикации в журналах, газетах и антологиях.
6. Книги: «Холсты», стихи (М., 1967); Стихотворения и поэмы: «Песня о голубом слоне» (США, 1990), «Вилла Боргезе» (США, 1992), «Пропавшая душа» (США, 1997), «Питерский дож» (СПб, 1999); «Бараны судьбы», стихотворения (М., 2002); «Форма любви», избранная лирика (М., 2003) и др.